

По ту сторону

ДМИТРИЙ ХОРОНЖИН

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Дмитрий Хоронжин

По ту сторону

«Автор»

2026

Хоронжин Д. В.

По ту сторону / Д. В. Хоронжин — «Автор», 2026

Что, если реальность — обман? А те, кого ты любишь, больше не могут смотреть тебе в глаза? Главный герой оказывается в закрытой психиатрической клинике. Он уверен, что помнит, как сюда попал. Врачи говорят одно, память — другое. Кошмары становятся все реальнее, а разум все труднее удержать. Но чем глубже он погружается в себя, тем страшнее становится правда. Она не просто искажает реальность — она переписывает всю его жизнь. Но хватит ли у него времени, сил и воли, чтобы ее принять? На фоне личной трагедии поднимаются болезненные социальные темы — безразличие системы к психически уязвимым, страх и отторжение со стороны общества, несправедливость по отношению к самым незащищенным. Но даже в этом аду находятся те, кто не прошел мимо. Люди, которые остались рядом — не по долгу, а по совести. Именно они возвращают герою — и нам — веру в человечность. «По ту сторону» — не просто история о безумии. Это роман о вине, боли и утрате, которую невозможно пережить.

© Хоронжин Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Непростое решение	7
2. Прощание	10
3. Лечебница Святого Валентина	14
4. Приемное отделение	16
5. Ангел без крыльев	19
6. Место в раю	26
7. Обратная сторона	31
8. Родственники	35
9. Чудо	38
10. Сожаления	41
11. Соседи	43
12. С небес на землю	46
13. Первая личность	52
14. Первое погружение	58
15. Чистота	61
16. Друг	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дмитрий Хоронжин

По ту сторону

Пролог

Лечебница Святого Валентина стояла на отшибе, отрезанная от мира лесами и скалами. Единственная дорога к ней вилась между высоких стволов сосен, мокрых от тумана. Машина то и дело проваливалась в ямы, а в зеркале заднего вида растворялась узкая лента шоссе.

Небо висело низко, словно готовилось обрушиться серым холодным занавесом. В тумане смутно ощущалась горечь хвои, перебиваемая прелым запахом мокрой земли. Ни машин, ни людей, лишь стук голых веток, цепляющихся за капот, да хриплые вскрики потревоженных ворон. Где-то внизу плескалась вода Дальнего озера, но и оно казалось мертвым. Даже ветер старался не тревожить этот лес.

Местные попадались редко — мало кто искал компанию среди вечно вопящих душевнобольных. Не похоже было, что тут лечили людей, — скорее прятали тех, кого не хотели видеть.

Иван, как и все жители Сосновки, знал, где находится лечебница, но никогда там не был. Когда он свернул с шоссе на лесную дорогу, ему показалось, что он уже видел все это раньше — поваленные деревья, трухлявые пни, ржавые жестяные банки в канаве. Осень давно *вгрызлась* в это место: деревья стояли голые, как черные скелеты, а желтые листья слежались под ногами гнилыми лоскутами. Только сосны оставались такими же, как всегда, — высокими, недвижимыми, словно безмолвные стражи этих диких мест.

Чем дальше он забирался, тем сильнее преображалась местность. Валуны сменялись скалами, холмы становились горами. Наконец дорога, долго петлявшая среди деревьев, уперлась в массивные ржавые ворота. На них болталась табличка с выцветшими буквами: «Клиника Святого Валентина. Вход по пропускам».

Слово «клиника» было еле различимо, будто его нарочно пытались стереть. Территорию лечебницы огораживала высокая стена, изъеденная временем. Местами толстый слой краски на ней отвалился, обнажив красные кирпичные внутренности. Некоторые секции ограды и вовсе рухнули — бетонные плиты, поросшие мхом, валялись на земле, словно сваленные гигантской рукой. Вдоль стены пролежала широкая канава с мутной водой. На ее поверхности застыли ветки, пластиковые пакеты и одинокая туфля. Здесь было холодно, даже внутри машины.

Иван заглушил двигатель — дальше пешком.

Мила сидела рядом, неподвижная, с пустым взглядом. Он дотронулся до ее руки — пальцы были ледяными. Он сжал их, но она не отреагировала. Разве что ресницы дрогнули, когда он осторожно убрал прядь волос с ее лба.

Иван вышел из машины, вдохнул сырой воздух. Ноги задрожали, но не от холода. Он бросил взгляд на клинику за стеной. Здесь было слишком тихо. Слишком мертво.

Иван до сих пор не мог поверить, что они здесь, что он реально на это решился. Всю дорогу он пытался убедить себя, что поступает правильно, но чем ближе к лечебнице, тем больше сомнений появлялось. Милу нельзя было оставлять здесь, он не хотел этого, но и дальше так жить не мог.

В том, что Милу нужно отвезти в клинику, его убедил Борис Кириллович — единственный человек, не считая Милы, которому он доверял. Борис тогда сказал:

— Если сам не можешь помочь Милочке, пусть помогут другие. Там ей станет лучше.

Борис Кириллович всегда был рядом, суровый капитан рыбацкого судна с добрыми глазами и густой седой бородой. Он был единственным другом Ивана и знал его лучше всех — долгие годы они делили море. Человек, который никогда не лез с советами, но если говорил что-то — значит, был в этом уверен. А пару лет назад их еще больше сплотил случай с губернатором.

В разгар сезона местный чинуша решил похвастаться северной рыбалкой перед другом из столичной думы. Наскоро собрали команду горе-рыбаков, не сильно разбирающихся в морском деле. В то время все толковые моряки были уже в море. Из бухты они кое-как вышли, но когда налетел шторм, «специалисты» посадили дорогушую яхту на острые камни. Лодка быстро набирала воду, и лишь Борис с Иваном чудом успели спасти команду губернатора.

Вечером в капитанской каюте яхту торжественно «отпели» за бутылкой водки. Губернатор был благодарен не только за спасение, но и за то, что перед гостем не ударил в грязь лицом. С тех пор в городе знали: Борис и Иван ходят под его негласным покровительством. Менты их не трогали — хватало других рыбацких лодок, которые нуждались в защите.

Когда Иван выходил в последнюю вахту, октябрьский лед уже сковывал пролив. Боря собирал команду на еще одну ходку перед зимой. Иван не мог ему отказать. У них была отличная слаженность. Иван не жаловался на тяжелый труд и условия, не пил на борту, да и вообще не любил конфликтовать. Борю это устраивало.

Но на этот раз что-то было не так.

Не прошло и недели в море, как с Иваном случилось странное: он не слышал команд, тело отказывалось подчиняться ему. Он не понимал, где находится и что за люди с ним на борту. Все плыло перед глазами, мысли путались. Во время шторма он чуть не угробил юнца: Иван не закрепил трос, удерживающий морскую ловушку. Та подскочила на волне, сорвалась с упора, ударила о борт рядом с парнем и улетела в море. Самого Ивана трос едва не утянул следом, но Борис успел среагировать и предотвратил трагедию. Море не дает поблажек даже лучшим.

Позже, когда они сидели в каюте и отогревались, Иван наконец поделился своими переживаниями. Обычно он держал все в себе — стиснуть зубы, пережить, не ныть. Но после случившегося молчать было нельзя: если с ним что-то случится, Мила без него пропадет. Ему впервые стало по-настоящему страшно, но не за себя. К тому же это было нечестно по отношению к единственному другу.

Борис, как и многие жители города, знал о трагедии, случившейся с Иваном и Милой. Но что все настолько плохо — лишь догадывался.

— Ты не справляешься, да? — сказал Боря. — Отвези ее в клинику. Там маме помогли.

Иван хорошо знал Борину маму, Раису Александровну. Он еще помнил ее бодрой и строгой, но время не щадит никого — она уже не вставала с кровати, не помнила имен, не могла есть без помощи. Но после больницы она хотя бы стала узнавать Борю и понимать, где находится. Может, и с Милой получится?..

Иван никогда не доверял врачам, особенно мозгоправам. Постоянно откладывал этот вариант на потом. Но после той вахты понял — *потом* может не быть.

1. Непростое решение

Спустя три месяца после разговора с Борей Иван все же отвел Милу к психиатру.

Он понимал, что она сама не справится. Все его попытки достучаться до нее заканчивались ничем. Странности в ее поведении начались сразу после семейной трагедии, но тогда Иван не придавал этому большого значения — думал, разберутся сами. К тому же он был занят собственной болью. Но теперь взгляд Милы стал пустым, безжизненным. Она существовала на уровне инстинктов: дышала, ела, спала.

После первого врача был второй. Потом третий. Все говорили одно и то же, обещали улучшения уже через несколько сеансов, прописывали антидепрессанты и снотворное. А спустя месяцы безрезультатного лечения разводили руками и отправляли к следующему специалисту.

Сейчас их психиатром был Григорий Доброходов, окончивший региональный университет. Врач без особых заслуг, такой же, как и все его предшественники. Когда-то они все вместе учились в одной школе.

После года обследований, анализов, тестов Иван уже не верил врачам. Диагнозов было столько, что можно было выбирать любой, какой понравится: клиническая депрессия; посттравматический синдром; шизофрения. «Это просто стресс, возьмите отпуск», — говорили некоторые. Была одна старуха в халате, которая заявила, что Мила притворяется, чтобы привлечь внимание. Еще один велел записывать сны, уверяя, что разгадка в них. На вопрос о том, как это сделать в ее состоянии, ответил: «Придумайте что-нибудь». Третий прописал витамины и уверял, что все это последствия нехватки солнца. Четвертый взял деньги за прием, не глядя выписал курс седативных и махнул рукой: «Медитация вам поможет».

Большинство из этих горе-лекарей работало по шаблонам, не вникая в суть, без малейшего интереса к пациенту. Просто выписывали те таблетки, за которые фармкомпании выплачивали щедрые премии, и если они не помогали — отправляли лечиться дальше, лишь бы их оставили в покое. Скидывали проблемы на других, потому что любое отклонение от привычных диагнозов их пугало — ведь если ткнуть пальцем в небо и ошибиться, можно лишиться теплого места. Иногда Ивану казалось, что врачей больше заботят цифры в отчетах, чем сами пациенты. Как будто их задача — не лечить людей, а подгонять статистику под допустимые нормы, составляя красивые таблицы для начальства. А люди — это просто строки. Наблюдение за пациентом? Корректировка терапии? Ответственность?.. Да кому это надо!

С таким отношением Иван сталкивался постоянно. Он почти потерял надежду. Злился на врачей, на себя, на весь этот гребанный мир. Он устал и уже был готов смириться с новой жизнью — бесцветной, пустой, лишенной смысла.

Все хорошее в его жизни было связано с Милой. Но той Милы больше не было. А значит, и он сам исчез вместе с ней.

Когда Боря советовал ему лечебницу, Иван лишь скривился: тогда он даже не рассматривал этот вариант. Психушка? Немыслимо!

Но теперь, после всей этой бесполезной беготни по врачам, перспектива клиники Святого Валентина уже не казалась такой страшной. Нужно было сказать об этом Грише. На последнем приеме во время очередных бессмысленных манипуляций и разговоров Иван прервал Гришу на полуслове:

— Не буду тратить твое время — я решил положить Милу в лечебницу. Кириллыч советовал, у него там мать лечилась. Ты же сам видишь — наши попытки ничего не дали.

Гриша напрягся:

— Ты серьезно? Мы и половины курса не прошли. Да, больших успехов пока нет, но они будут! В прошлый раз она уже реагировала на внешние раздражители.

— Реагировала? — Иван горько усмехнулся. — Она посмотрела в сторону шума на пару секунд. Это все, чего мы добились за все время. Насмотрелся я уже на такие успехи.

Гриша покачал головой:

— Иван, нельзя так. Ты понимаешь, что в лечебнице ее будут просто пичкать таблетками? Никто там с ней работать не будет. Я не говорю, что мы сразу поставим ее на ноги, но...

— Но сколько ждать, Гриш? Год? Два? Ты сам говорил, чем дольше она в таком состоянии, тем меньше шансов вернуть ее. Большого мы твоими методами не добьемся.

— Но я могу ей помочь! — Гриша повысил голос. — Это мой курс, другие лечат по учебникам. Слушай, мне не все равно, и поэтому я скажу прямо: в больнице ее угробят. Там ей не помогут.

— Почему же? Про нее много пишут и говорят.

— Нашел кому верить...

Гриша стиснул кулаки. Он знал, что спорить бесполезно: Иван уже принял решение, но это не значило, что он соглашался с ним.

Гриша был единственным, кто боролся за них, но не потому, что верил в свое лечение. Он был равнодушен к Миле еще со школьных лет. *Слишком* равнодушен. Иван замечал, как он смотрит на нее, как прикасается к ней на осмотрах. В школе Гриша тоже сох по Миле и не скрывал этого.

А может, дело было не только в этом. Может, он знал что-то о клинике, чего не знал Иван...

— Это неважно, — твердо сказал Иван, хотя внутри все сжималось от тревоги. — Я уже решил. В любом случае, я буду рядом с ней. — Он говорил это скорее себе, чем Грише. — Мы были у многих, у каждого свои методы — и ни один не помог, Мила лишь отдаляется. Мне кажется, времени у нас осталось мало.

Он провел рукой по волосам. В голове крутилась одна мысль: «А если я совершаю ошибку?»

— Если бы у меня был выбор, я бы поступил иначе. Я не могу больше ждать.

Гриша смотрел на него с каким-то упрямым отчаянием. Он хотел отговорить Ивана, но знал, что у него нет шансов.

— Как знаешь, — наконец выдохнул он. — Твое право. Надеюсь, ты принимал решение на трезвую голову. Не забудь Милу. Если поймешь, что это пустая трата времени, возвращайся. — Гриша посмотрел на Милу — ее безжизненные глаза глядели в пустоту. — И еще... Ты, наверное, не в курсе, но в «Святом Валентине» используют не совсем стандартные методы лечения. У Фридмана свои особенные отношения с пациентами, — в его голосе слышалась неприязнь, но дело было не в ревности к чужим методам, это было что-то другое.

— Что ты имеешь в виду?

Гриша задержал взгляд на нем, как будто решал, стоит ли говорить больше.

— Ты сам все поймешь. Смотри в оба, Иван. Пара моих пациентов ушли к Фридману... и больше я их не видел...

— Ты преувеличиваешь.

— Очень на это надеюсь, — Гриша тяжело выдохнул. — Ты о себе тоже не забывай, пожалуйста. Если не будешь отдыхать, то недалеко и до твоего помешательства. Кто тогда будет ухаживать за Милой?

«Уверен, тебе такой исход только на руку», — подумал Иван.

— Я не шучу, — продолжал Гриша. — Я знаю кучу таких примеров — и ни один из них добром не кончился. Подумай об этом.

— Ладно, — Иван махнул рукой. — До встречи.

По дороге домой злость медленно отпускала Ивана. Он уже не так сильно ненавидел Гришу и всех врачей, просто устал от этого гнетущего состояния. Невозможно долго оставаться таким — любая злость имеет срок годности. Разве врачи виноваты в том, что они такие, какие есть? Да, он ждал от них большего, чем они могли дать. Но имело ли смысл злиться на их невежество? Наверное, нет. Но можно ли считать случившееся с его семьей несправедливостью? Да, для Ивана это была именно несправедливость.

Вместе со злостью уходила и обида: глупо обижаться на то, перед чем все бессильны. Каждый рано или поздно это понимает, и тогда жить становится проще, спокойнее. Но понять — одно, а принять — совсем другое. Между этими состояниями пропасть. Если ее не преодолеть, человек сломается. И тогда... каждый сходит с ума по-своему.

Сначала мы пытаемся бороться с этим миром. Рвемся в бой, ищем виноватых, пытаемся вершить правосудие. Доказываем, спорим, злимся, ненавидим, верим, что способны что-то изменить. Прем... как бараны навстречу локомотиву, будто его можно остановить. Но это путь в один конец.

Бороться или смириться? На самом же деле ни то ни другое. Надо просто жить, принимать мир таким, какой он есть, не отрицая его, но и не бросаясь грудью на амбразуру. Мы не можем исправить все, но можем привнести в него хоть что-то хорошее. Без этого человечество давно бы исчезло.

Но принятие дается тяжело и не каждому. Путь к нему может выжечь дотла. А когда от тебя почти ничего не остается и бороться уже нет сил, ты наконец принимаешь правила игры. Хотя где-то глубоко внутри протест все равно тлеет, и избавиться от него полностью невозможно.

Мы всегда ищем проблему — в людях, в обстоятельствах, в себе. Сжираем себя без остатка, упираясь в стену. Слабый разобьется о нее или отступит. Сильный — пробьет ее головой. А что за этой стеной — никто не знает. Ты можешь смириться и жить дальше, можешь отказаться от прошлого и начать все заново. А можешь, пробивая стену, повредить разум так, что будешь уже не властен над ним.

Нет смысла искать виноватых, когда все уже свершилось. Нет смысла тратить силы на сожаления о прошлом и страх перед будущим. Прошлого уже нет, а будущее еще не наступило — есть только *сейчас*. Так зачем переживать из-за того, чего нет? Кем мы станем, если будем жить в страхе перед тем, чего не существует?..

Можно быть готовым ко многому, но невозможно предугадать все. Но даже если знаешь, что страшное может случиться, никогда не поверишь, что оно случится с тобой.

Иван не мог представить, что тот день на озере обернется трагедией. Но это не спасло его от вины, она разъедала его, и выхода он не видел.

2. Прощание

Дома Иван приготовил ужин — любимую жареную картошку Милы. Это было одно из немногих блюд, что у него получалось. Когда-то он часто готовил завтраки по выходным, и Мила с нетерпением их ждала.

Он накормил ее, умыл, уложил в постель и долго сидел рядом, держа за руку. Ему не хотелось отпускать ее, и он шептал, как сильно любит ее, как ему ее не хватает.

— Я рядом, слышишь? — Иван провел рукой по ее волосам. — Завтра... Завтра все будет по-другому.

Мила не ответила, даже не моргнула. Лишь губы чуть приоткрылись, словно она хотела что-то сказать, но не смогла. Иван поцеловал ее в холодную щеку, плотнее укрыв одеялом и поднялся. В груди все сжималось от боли, но он не мог плакать. Не при ней.

Он вышел в гостиную, прикрыл за собой дверь и, тяжело выдохнув, прислонился к стене. Все вокруг давило на него: книги на полке, их старая фотография в рамке, чашка с недопитым чаем на столе, запахи. Все здесь кричало о том, что он уже потерял. Завтра это место перестанет быть их домом. Прежней жизни уже не будет.

Иван пытался убедить себя: все правильно, так надо. Но почему же тогда так больно?.. Он должен быть сильным, ради нее.

Вещи он соберет утром, сейчас ему надо было просто поспать.

Он вернулся в спальню, хоть и не хотел туда идти. Чувство вины и беспомощности сжимало его в тиски каждый раз, когда он смотрел в безжизненные глаза Милы. Но сейчас ее глаза были закрыты, она мирно спала, будто было все в порядке. Иван лег рядом, стараясь не разбудить ее, и уснул.

Утром его поднял звонок в дверь. Мила уже не спала. Она, как обычно, лежала на кровати, уставившись в потолок.

За дверью его ждала целая орава детишек — ученики Милы, которым она преподавала английский в начальной школе Сосновки. Они любили свою учительницу и приходили к ней часто, несмотря на то, что она уже не могла говорить с ними, как раньше.

Ивану нравилось, когда они приходили, отвлекая его от суровой действительности. Они не обращали внимания на состояние Милы, болтали без умолку, рассказывали, кто кого обидел, о своих достижениях, как они терпят Валентину Степановну, временно заменяющую Милу, и как сильно ждут возвращения любимой учительницы.

Иногда кажется, что дети мудрее взрослых. Они не ищут справедливости, не пытаются разобраться, почему все устроено так, а не иначе. Они просто принимают все так, как есть. Им достаточно услышать от родителей, что все будет хорошо, — и они поверят. В этом и есть их сила.

Дети сидели возле Милы и разговаривали с ней. Она молчала, но Ивану казалось, что он просто не слышит ее ответов. Каждый раз, когда дети приходили, ее лицо становилось светлее. Или ему хотелось в это верить.

К Ивану подошел Рома — единственный, кто не разделял радостного настроения остальных.

— Иван Андреевич, вы уезжаете?

— С чего ты взял?

— Я ведь не глупый, — серьезно сказал Рома. — Там коробки пустые и чемодан в углу. На прошлой неделе их не было.

— А ты наблюдательный, Роман, — усмехнулся Иван и потрепал его по волосам. — Хороший из тебя сыщик выйдет! Но не переживай, далеко мы не уедем. Да и ненадолго это все. Людмила Михайловна едет отдыхать на Дальнее озеро, а я буду мотаться туда-сюда. Если захотите передать что-то важное, заходите, не стесняйтесь. Так уж и быть — исполню ваши капризы.

— Дальнее озеро?.. — Рома понизил голос. — Там же водятся призраки. И люди пропадают. — Он бросил быстрый взгляд на Милу, а потом посмотрел прямо в глаза Ивану: — Не увозите ее Иван Андреевич! Если она вам мешает... я могу поговорить с теткой. Она живет одна в большом доме, зачем ей такой большой дом... Людмила Михайловна может жить у нее. А мы будем за ней ухаживать.

— Призраки? — Иван не смог скрыть улыбки. — Ты где такую глупость услышал?

— Это все Валентина Степановна. Она еще говорит, что Людмила Михайловна специально ушла, потому что больше не могла терпеть таких засранцев, как мы, — Рома нахмурился. — Не нравится она мне, Иван Андреевич.

Любое упоминание этой старухи выводило Ивана из себя. Когда Мила устроилась в школу, Валентина Степановна уже давно жила одна. Мужа она свела в могилу, а злость свою срывала на тех, кто, по ее мнению, был слабее. Таковой она считала Милу — и вскоре стала распускать про новую учительницу слухи. Теперь же говорила, что Мила ушла сама, потому что устала от них.

Иван стиснул зубы:

— Было бы неплохо, если бы эта ваша Валентина Степановна... — он вовремя осекся.

Злость накатила слишком резко. Он почувствовал, как напряглись пальцы. Рядом стояли дети, ждали продолжения, но он промолчал. Пропави она пропадом, старая ведьма!

На секунду повисла тишина, а потом кто-то из ребят хихикнул. Остальные подхватили, решив, что Иван просто шутит.

— Да уж, — сказал кто-то. — Вот бы ее и правда забрали призраки.

Рома не смеялся. Он смотрел на Ивана так, будто понимал больше, чем должен. В его взгляде было что-то тревожное, осуждающее. Или Ивану это просто показалось?

Он выдохнул, постарался взять себя в руки.

— Ладно, хватит чепухи, — пробормотал Иван, проводя рукой по лицу. — Вам не стоит переживать. Все будет хорошо.

Рома неуверенно кивнул. Остальные ребята закивали вслед за ним. Смех затих, но напряжение все еще висело в воздухе.

— Не все, что говорят взрослые, нужно воспринимать всерьез, — сказал Иван, успокаиваясь. — Валентина Степановна — пожилая женщина, обиженная на жизнь. Она злится на мир и вымещает эту злость на тех, кто слабее.

— Иван Андреевич, но мы же ее не обижаем! — возмутился Рома. — Она сама бросается на нас, как бешеная дворняга!

— Я не об этом, Ром, — Иван покачал головой. — Меньше слушайте стариков. Старый — не значит мудрый. Уважение нужно заслужить, а не просто дожить до него. Сейчас в молодых мудрости гораздо больше чем в стариках. За вами будущее. — Он усмехнулся. — И вообще, нет никаких призраков на Дальнем озере. А в том, что Мила вас любит, можешь не сомневаться. — Иван тоненьким голоском изобразил Милу: — Как там мой зайка Ромка? Я скучаю по нему! — повторил он с улыбкой.

Дети захохотали. Рома покраснел:

— Никакой я не зайка, Иван Андреевич! Мне уже почти десять! — он с важностью оглядел друзей.

— Зайка, зайка, зайка! — дразнились они.

Иван засмеялся вместе со всеми. Он почти разучился радоваться простым мелочам. Но когда взглянул на Милу, сидевшую в инвалидной коляске и словно отрешенную от всего происходящего, тяжесть снова придавила его с прежней силой.

— На сегодня, думаю, хватит. Нам еще нужно собираться.

Дети загалдели, наперебой уговаривая остаться, особенно Федя, который возмущался, что они даже чаю не попили.

— Иван Андреевич... — неуверенно начал Рома. — Мы тут с ребятами написали Людмиле Михайловне пожелания, чтобы ей не было так одиноко в больнице. Передадите, когда ей станет лучше?

— Конечно, передам, — улыбнулся Иван.

Рома опустил взгляд.

— Только... сами не читайте. Это не для вас.

— Конфиденциальность гарантирую, — Иван улыбнулся. — Давайте сюда ваши тайные послания.

Дети стали по одному подходить и протягивать скомканные бумажки. Последним был Рома. Он дождался, пока все немного отойдут, и достал аккуратно сложенный листок. На обороте был нарисован зайка.

— Ничего не говорите!

— Все хорошо. Спасибо, Ром.

— Иван Андреевич... — он запнулся. — Я очень переживаю за Людмилу Михайловну. Не нравится мне это озеро. Хоть вы и говорите, что призраков там нет, но... — он сглотнул. — Чудовища там точно есть.

— Чудовища?

— Федя говорил, что сам их видел. Белая шерсть и острые когти.

— Не переживай, — серьезно кивнул Иван. — Я ее обязательно уберегу от всех чудовищ.

Иван убрал все записки в сумку. К нему подошел Федя — пухлый, круглолицый мальчишка с растянутым свитером и вечно испачканными в шоколаде пальцами. Он переминался с ноги на ногу, сжимая в руках что-то завернутое в блестящую обертку.

— У меня тут это... — Федя замялся, глядя себе под ноги. — Вот.

Он протянул шоколадку, на которой остались крошечные следы зубов.

— Не знаю, как вы это едите. Она горькая.

— Тогда зачем принес? — усмехнулся Иван.

— Мама сказала, что в больницу надо передавать гостинцы, чтобы было не так грустно, — буркнул Федя и отвел взгляд. — Вы извините, что я попробовал, но надо было проверить.

Иван покачал головой и улыбнулся:

— Спасибо, Федя. Даже если бы ты съел ее целиком, ничего страшного. Мила все равно не любит горький шоколад. А вот я люблю.

— Ну тогда это для вас.

— Федь, я-то еще вернусь. Это Людмила Михайловна ложится в больницу.

— Да?.. — Федя нахмурился. Он покрутил шоколадку в руках, словно впервые увидел ее, потом задумчиво посмотрел на Милу. — Это печально.

Он замолчал, как будто хотел спросить что-то еще, но не решался: надолго ли, будет ли Иван ее навещать, можно ли будет детям прийти к ней, навсегда ли это?.. Вместо этого он просто буркнул:

— Теперь мне тоже нужна шоколадка. Но не эта.

Иван снова рассмеялся:

— Ладно! А теперь давайте собираться, — сказал он уже всем. — Не в последний раз увидите.

С большим трудом ему удалось спровадить маленьких разбойников. Он не хотел, чтобы они уходили, с ними было легче.

Вернувшись в комнату, посмотрел на Милу. Ее лицо снова было пустым, как будто ничего не было.

— Ты же чувствовала... Ты же была жива. Да что с тобой?!

Кажется, он сказал это вслух.

Вещей оказалось немного. Он собрался меньше чем за час. Сидя в пустой комнате, почувствовал ту же пустоту внутри себя. С каждой уложенной в коробку вещь отрывал от себя кусок чего-то привычного. Но если они будут рядом с Милой в новом месте, может, они напомнят ей о доме. О нем... Или нет.

Он отогнал дурные мысли, чтобы не передумать.

3. Лечебница Святого Валентина

И вот они здесь...

Перед ними была выцветшая вывеска: «Клиника Святого Валентина. Вход по пропускам».

Сосновка была небольшим, забытым всеми прибрежным городком. Население — пара десятков тысяч, и с каждым годом оно уменьшалось. Горнодобывающие компании ушли, оставив за собой руины шахт. Частные рыбацкие суда доживали свой век в тени промышленного лова. В городе еще оставались психиатрическая лечебница и тюрьма. Большинство местных работало либо в море, либо в этих пристанищах. Остальные так или иначе оказывались там, но уже по другую сторону: на дне, в затхлой палате или за решеткой.

Из-за труднодоступного расположения эта земля была никому не нужна, вот ее и отдали под лечебницу. По этой же причине здесь не было ни одной проверки за все время существования: кому захочется тащиться в забытое богом место. Даже родные сюда редко приезжали, а всех пациентов в основном доставляли на «скорой», бесплатно.

Но о лечебнице в городе говорили часто. На улицах висели рекламные баннеры, в почтовых ящиках лежали буклеты, рассказывающие об «образцовой клинике». На картинках были белые скамейки, ухоженные аллеи, пациенты в халатах, читающие книги на фоне горных пейзажей. Не психушка, а настоящий санаторий.

В рекламе говорилось, что на территории клиники располагалось несколько корпусов.

Первый стоял у самого озера, в нем был центр реабилитации для тех, кто хотел избавиться от гнетущей реальности. В нем жили алкоголики, наркоманы и люди с легкими психическими расстройствами — те, кому еще можно было помочь. Здесь же была приемная, комнаты врачей и персонала, жилые помещения для посетителей, которые приезжали навестить своих родных. Пациенты первого корпуса могли свободно гулять по территории, посещать крытый бассейн, кататься по велосипедным дорожкам и пользоваться услугами лодочной станции на местном причале. Разумеется, с разрешения врача.

Второй корпус находился восточнее первого, за каменной грядой, через которую невозможно было пройти пешком. Дорога к нему огибала скалы с юга и шла вдоль границы лечебницы, огороженной высоким забором. Здешние пациенты тоже могли гулять по территории, но лишь в сопровождении персонала. Для них было всего одно жесткое правило — не доставлять неудобств обитателям первого корпуса.

Тут жили тяжелые и не очень больные, не представляющие опасности для окружающих, с легкой формой психоза, острой депрессией, расстройством личности, Альцгеймером, анорексией, слабоумием. Они еще были людьми, но жить среди здоровых уже не могли.

Третий корпус располагался у самой границы скал, за которыми высились Каскадные горы. Скалы создавали естественную преграду, куда не рискнули бы сунуться даже опытные альпинисты. Здание стояло на значительном расстоянии от первых двух. Дорога туда занимала больше часа от въезда на территорию, и если кто-то добирался до высоких ворот, его встречала суровая охрана и колючая проволока. Попасть внутрь можно было только с особым пропуском от директора больницы Амита Фридмана.

Здесь держали опасных пациентов, тех, кого бы вы не захотели пригласить в свой дом. Они были похожи на людей, но ими уже фактически не были.

На бумаге клиника была образцовым учреждением, тихим, живописным местом, от которого больше веяло безмятежностью, нежели мраком и отчаянием. По крайней мере, так утверждала реклама. Но стоило выйти из машины...

Иван видел другие больницы, психиатрические отделения в районных клиниках, там тоже было мрачно. Но здесь было что-то другое... Что-то, от чего внутри становилось холодно.

На первом этаже за решеткой показалась чья-то худая фигура. Иван не успел разглядеть лицо — человек отступил в тень, словно не хотел, чтобы его видели.

Пожалуй, «Святой Валентин» ничем не отличался от обычной психушки: одно здание, два крыла, засранная горами строительного мусора территория, на которой торчало несколько хозяйственных блоков из профнастила и голых пеноблоков.

Фасад выглядел убого: давно отвалившаяся плитка, крошащийся фундамент, деревянные окна под толстым слоем краски за ржавыми решетками. Асфальтовые дорожки все были в трещинах, из которых торчали камыши и мелкая поросль. На территории были видны скамейки, все они оказались поломаны, с облупленной краской.

Единственное, что совпадало с рекламными брошюрами, — пирс на Дальнем озере, когда-то крепкий, теперь покосившийся, с гнилыми досками, напоминающими щербатую улыбку алкоголика. Пару лет назад одна пациентка бросилась в озеро и утонула, с тех пор пирс был закрыт на ремонт: тут меняли настил, ставили ограждения и пытались сделать его безопаснее.

На бумаге «Святой Валентин» был образцовым учреждением, государство выделяло приличные деньги на него, но они до больницы не доходили, как и значительная часть пособий на больных.

Еще важнее состояния фасада было здешнее отношение к людям, которые тут были фактически заключенными, только без определенных сроков. Про права человека здесь никто не слышал, а если у пациента был статус недееспособного, то отношение к нему оказывалось хуже, чем к чумной крысе.

Люди здесь жили в вечном страдании, страхе и смятении, беспощадно сводивших их с ума изо дня в день без малейшей надежды на нормальную жизнь, выздоровление, человеческое отношение и душевный покой.

Но доктор Фридман считал, что любой пациент может быть вылечен. Любой! Главное — правильный подход.

4. Приемное отделение

Когда Иван проходил через ворота клиники, его не покидало чувство, что он совершает ошибку. Но природа словно возражала: солнце прорезало облака, пробиваясь сквозь кроны сосен, напоминая о последних теплых днях. Ветер шевелил листву, из леса доносились голоса птиц. Это место не было похоже на обитель призраков и чудовищ. Ивану хотелось верить, что это добрый знак, но внутри все сжималось в тугую комок. Он ловил себя на мысли: может повернуть назад? Вернуться домой и продолжать лечиться, как раньше, по привычной схеме. Здесь же все было чужим, пугающим. Что их ждет за этими воротами? Он пытался убедить себя, что боится зря, но тело сопротивлялось, словно знало: эта дорога ведет в ловушку.

Дорога от ворот шла напрямик к приемной. По обе стороны от нее стояли небольшие сооружения столь же плачевного вида, как и ограда больницы, — видимо, котельная и другие вспомогательные постройки. Все вокруг казалось знакомым, будто он уже видел это где-то раньше. Может, потому что в городе все было в таком же запущенном состоянии.

Здесь не было ничего общего с тем, о чем писали в рекламных буклетах. Ивана это даже не удивило. Но он решил не смотреть на обложку, ведь главное — люди, и этому месту стоило дать шанс.

В приемной их никто не встретил. Два администратора были заняты другими посетителями и даже не обратили на них внимания. Иван подкатил коляску Милы к свободной скамейке и сам опустился рядом.

Перед стойкой администратора ожидали три женщины. В клинику *сдавали* одну из них, и Иван сразу понял, кого именно — ту, что с измученным лицом. Веки у нее были полузакрыты, с губ свисала тонкая струйка слюны. Рядом со скучающим видом стояла сиделка от больницы. Еще одна женщина сидела рядом с будущей пациенткой и внимательно читала бумаги.

— Ну что вам там непонятно? — проворчала администраторша, не отрываясь от своих дел. — Всего две бумажки: договор о предоставлении социальных услуг и заявление на эти услуги. Все уже заполнено, нужны ваши подписи.

— А... а вот тут?.. — неловко спросила женщина. — «Опекуном становится интернат...» Это что значит?

— Что мы берем ответственность за вашу мать. Вам больше не нужно волноваться.

Женщина жала ручку:

— Значит, она теперь... больше не моя забота?

Администратор закатил глаза:

— Договор стандартный. Потом спасибо скажете. Подписывайте, не задерживайте людей.

Женщина подписала бумаги.

— Ну вот и все. Это ваш экземпляр, — сказала администратор и скрылась за стойкой.

— Ваша мать сама ходит? — спросила сиделка. — Лет сколько?

— Ходит, ей шестьдесят будет через неделю, — отвечала женщина, убирая бумажки в сумку. — Мы сегодня встали рано, мама не завтракала. Мы успеваем на обед?

— Не беспокойтесь, накормим. Еда у нас приличная. Сами кушаем.

Сиделка взяла под руку новую пациентку и повела ее внутрь.

— А комната одноместная будет? — с легкой тревогой спросила женщина вдогонку, не получив ответа.

Какое-то время женщина еще стояла возле стойки администратора, сжимая ремешок сумки, пока на лице у нее не появилось облегчение. Затем она выбежала из приемной.

Следующим оказался парень лет двадцати, с нелепыми усиками и большими очками, которые то и дело сползали на нос. Он был с мамой. Юноша нервно теребил рукава толстовки и смотрел на мать с обидой.

Администратор подошла забрать подписанные документы.

— Она мне угрожала! — громко заявил молодой человек. — Сказала, побьет меня! Полицейских позовет! Представляете?!

Администратор даже не подняла глаз:

— У вас нет справки об отсутствии контактов с больными.

— Извините, — говорит мама, — голова совсем не соображает. Какой справки? — она зажмурилась, потом судорожно встряхнула головой и прошептала: — Господи, я больше так не могу... Можно его оставить? Справку я завтра привезу, клянусь!

Администратор, не отвечая, вернулась за стойку, подняла телефонную трубку и набрала номер. Женщина нервно переминалась с ноги на ногу, поглядывая на сына. Парень устался в пол, подвернув рукава толстовки до локтей.

— Черновы?

Иван поднял голову. Перед ним стояла администратор.

— Да.

— Вот, — она протянула ему бумаги. — Ознакомьтесь, подпишите и ожидайте. — Она уже хотела уйти, но добавила: — Амит Львович сейчас будет. Он хотел принять вас лично.

После заполнения бумаг началось томительное ожидание. Иван судорожно сжимал кулаки: и почему врачи постоянно заставляют себя ждать! Порой кажется, что так делается намеренно, чтобы у посетителя не осталось сил, и когда он попал бы к врачам, то был бы уже сломленным и безвольным.

Иван бросил взгляд на Милу. Она была такой же, как и всегда, молчаливой и отрешенной. Хотелось встать, схватить ее в охапку, вытащить отсюда, выйти за эти ворота, сесть в машину и уехать обратно домой, пока еще не поздно.

Он не раз бывал в подобных местах, выворачивая душу перед людьми, которым было плевать, для них случай с Милой был статистикой. Он снова должен будет пересказывать все сначала, слышать в ответ дежурные слова, видеть пустые взгляды... Он стиснул зубы.

Через двадцать минут за дверью, ведущей вглубь клиники, послышались шаги, и в смотровую вошел врач — невысокий, полноватый, в свободном белом халате, лет шестидесяти, с живыми, бегающими глазками, спрятанными за круглыми линзами очков. Выглядел он потрепанным, будто только встал с кровати.

Администратор кивнула в сторону Ивана с Милой. Доктор явно ждал их. Он буквально подпрыгнул от радости, когда увидел их.

— Ах, это вы! Да-да, секундочку, и я весь ваш.

Доктор жестом велел им подождать и поспешил к подростку с мамой.

— Прошу прощения, но мы не сможем принять вашего мальчика, — начал он с преувеличенным сочувствием.

— А вы кто, собственно? — с подозрением спросила мать.

— Амит Львович Фридман, — он нелепо поклонился, — главный врач сего заведения.

Иван нахмурился: этот человек казался... странным. Его жестикуляция, мимика, манера речи — все выглядело как-то нарочито, театрально, словно он играл роль врача, не будучи им на самом деле. Иван привык к другим докторам — простым, немногословным.

— У вас нет справки об отсутствии контактов с больными. Без нее, к великому сожалению, мы не можем принять вашего мальчика, у нас проверки каждую неделю. Приезжайте в пятницу, я лично приму его.

— Да вы что, доктор... — женщина сорвалась и заплакала. — Мне же по-новому собирать все это!.. Анализы, направления, ковид... Все это за деньги, потому что в поликлинике

срок — месяц! Я не могу ждать месяц, я вообще больше не могу ждать! Ну поймите же вы меня!

— Ну что вы, что вы, дорогая... — Амит Львович округлил глаза, всплеснул руками, закачал головой. — Не надо будет ничего сдавать заново! Всего лишь одну справочку принесите, и все будет хорошо.

— Может, договоримся, доктор?.. — шепотом вымолвила женщина.

— Тут я бессилен, уважаемая. А если у вас дома ребенок, больной ветрянкой? Мне придется всю клинику закрыть.

— Коля, все, — женщина стряхнула с себя оцепенение и схватила сына за руку, — едем домой! Не хотят тебя брать.

— Что?! — парень дернулся, но мать держала его крепко:

— Да-да, все, едем. Опять справки какие-то... Бред! С кем мы там контактируем?! У нас дом в приличном районе. И жильцы у нас все приличные.

— Поймите же, дорогуша... — доктор скорчил трагичную гримасу. — Меня и в тюрьму посадить могут за такую халатность, если же кто заболит. У нас тут с этим строго.

— Коля, ты хочешь сюда еще? Мы так долго к этому шли! — женщина схватилась за голову. — Поймите же доктор, он инвалид, я не могу больше с ним! Тяжело мне! Он заторможенный!

— Доктор врач... — Коля резко посмотрел в глаза Фридману. — Вот скажите мне... так можно, если меня тащат сюда, а я не хочу? Вот не хочу — и все! Второй раз не поеду! Хотите — бейте, я не поеду! Хочу домой.

Иван не сводил глаз с Амита Львовича — что-то в нем было не так.

— Просто получите справочку — и дело с концом, — все так же ласково уговаривал доктор.

— Амит Львович... — голос женщины дрожал. — А можно я в поликлинику позвоню и попрошу прислать вам справку по почте? Можно так? Молю!

Фридман резко сменил выражение лица.

— Ну если скан пришлют... — задумчиво протянул он, поглаживая бородку. — Думаю, решим вопрос.

5. Ангел без крыльев

Когда Амит Львович закончил разговор с матерью и сыном, он тут же подлетел к Ивану и Миле и с воодушевлением пригласил их в смотровую:

— Давайте-ка уединимся! Нам никто не должен мешать.

Выходя из приемной, доктор придержал дверь, чтобы Иван мог провести коляску с Милой. За дверью был длинный коридор. Первое, что почувствовал Иван, — это запах. В приемной он ощущался лишь отдаленно, а здесь развернулся в полную мощь: смесь хлорки, пищи, сожженного масла, мочи и пота.

Вдоль длинного коридора тянулись кабинеты врачей, смотровые, процедурные и какие-то закрытые помещения. Впереди коридор шел прямо — там висела табличка «Отделение № 1». Направо, в сторону скал, уходил второй коридор — «Отделение № 2». А налево, в сторону озера, стеклянная дверь вела в реабилитационное отделение.

Железные двери первого и второго отделения не имели ручек. Дверь в реабилитационное отделение была открыта.

— Очень рад новым гостям в нашем тихом уголке! — бодро начал доктор Фридман, когда все устроились в кабинете. — Доктор Амит Львович Фридман, управляющий сим заведением! — он протянул Ивану руку.

— Иван Андреевич Чернов, а это моя супруга, Людмила Михайловна.

— Наслышан! — Фридман расплылся в улыбке. — Рад знакомству, Иван, Людмила! Прошу, располагайтесь, будем знакомиться поближе.

Иван сел рядом с креслом Милы. Фридман занял место напротив. На столе перед доктором лежала небольшая папка, которую Иван раньше не заметил. Он мельком глянул на нее, а затем перевел взгляд на кабинет.

Смотровая была небольшой. К коридорной тухлятине добавился запах старой мебели и затхлости. Стены покрывала облупившаяся краска, над столом висела выцветшая схема строения мозга.

Иван молча достал из кармана рекламную листовку клиники и бросил ее на стол перед доктором.

— Знаете, Амит Львович, я ожидал увидеть здесь что-то похожее на это.

Фридман, не поднимая головы, какое-то время листал документы, а затем лениво глянул на цветную бумажку и расплылся в широкой улыбке:

— О, да-да! — он театрально всплеснул руками. — Поверьте мне, Иван Андреевич, мы бы все этого очень хотели! Проекты были согласованы, приказы подписаны, бюджет выделен... а на выходе имеем то, что имеем! — Доктор картинно вздохнул: — Мы устали бодаться с местным министерством социальной защиты. Нам отвечают: «Клиника соответствует нормам и отвечает всем необходимым потребностям». А то, что у нас тут и больница, и реабилитация, и интернат, мало кого волнует. Говорят: «Скажите спасибо, что тюрьма в отдельном корпусе». Интернатов для инвалидов у нас в регионе нет, так что всех отправляют сюда. — Он покрутил в руках рекламную листовку. — Эта красочная ерунда была напечатана еще до сдачи клиники. Переделывать уже никто ничего не стал. Но вы же сюда не за дизайнерским ремонтом приехали, верно?

— Может, я как-то смогу повлиять? — спросил Иван. — У меня есть связи в местной администрации.

Фридман неожиданно напрягся:

— Ох, не стоит себя так утруждать! — он заерзал на стуле, засмеялся, будто отмахиваясь от назойливого вопроса. — Едва вы увидите первые результаты моей индивидуальной программы, перестанете обращать внимание на эти мелочи.

— Посмотрим.

— Давайте вернемся к вашей супруге! — доктор резко сменил тему, моментально обретая прежнюю живость. — Расскажите мне о Миле. Какой она человек?

Иван скептически посмотрел на папку.

— Разве у вас там не записано все об этом? Да и наверняка вам что-то рассказывали.

— О, слухам я не доверяю! — Фридман откинулся на спинку стула. — А тут одни выписки, медицинская история... ничего про вас самих. Я бы хотел вас послушать. Начнем с главного: как вы познакомились? Чем занимаетесь? Какие увлечения, пристрастия, фобии? Отношения с родителями? И самое главное — что вас сюда привело? В общем, все, что, по вашему мнению, поможет нам в работе.

Чем дольше длился этот разговор, тем больше Ивана раздражал излишний оптимизм Фридмана. Тем не менее, Иван еще перед выездом твердо решил довериться врачам и конкретно этому месту в последний раз. Он посмотрел на Милу, и в глазах его мелькнула нежность. Он сжал ладонь жены.

— Мы знакомы со школы, — сказал он. — Я старше ее на год, так что мы были в разных классах. Вместе нас свела общая неприязнь к шумным компаниям.

Фридман слушал с любопытством.

— Мила вечно держалась в стороне от своих одноклассников. На переменах читала книги, сидя на траве в школьном дворе. На обеде отсаживалась подальше от всех и ела, слушая музыку в наушниках. — Иван улыбнулся: — Но она не была изгоем. Ее никто не задирали, не трогали. Просто ей было комфортно наедине с собой. — Он провел пальцем по ее бледной коже. — Мы с ней очень похожи. Может, это судьба. Я долго решался подойти к ней... и слава богу, что сделал это. — Он коротко усмехнулся. — Я спросил, что она читает, это был Брэдбери. С тех пор мы вместе.

Фридман снова улыбнулся:

— Красивая история, — он наклонился чуть ближе. — Брэдбери мне тоже нравится.

Впервые Ивану показалось, что доктор был искренним. Либо ему действительно интересно, либо он хороший актер.

— А чем Мила занималась до болезни?

— После школы поступила в местный институт на педагогический. Все это время мы встречались. А на следующий день после вручения диплома, — Иван коротко усмехнулся, — мы поженились.

Фридман кивнул, продолжая изучать его.

— Она сначала подрабатывала репетитором, подтягивала у деток английский. Через пару лет ее взяли учителем в начальные классы в сто пятнадцатую школу. До сих пор там числится в штате.

— А вы, Иван Андреевич, где учились?

— Я не заканчивал университетов, — он не любил этот вопрос. — Отец ловил крабов, как и я сейчас. Он погиб в море, когда мне было пятнадцать. Мать не работала, и мне пришлось оставить учебу, чтобы прокормить нас.

— Жестоко... — тихо протянул Фридман.

— Она нам с Милой очень помогала. Но в прошлом году умерла. Инфаркт.

— Мои соболезнования, Иван Андреевич, — доктор сочувственно кивнул. — Уверен, она бы вами гордилась.

— Спасибо.

Иван отвел взгляд. Неловкая пауза зависла в воздухе.

— Не переживайте, я в порядке. Как видите.

— Вижу, что в порядке, — заметил Фридман с тенью улыбки.

Что-то в его голосе Ивану не понравилось.

— Раз уж вы заговорили о родителях... — продолжил доктор. — Расскажите, что с семьей Людмилы...

— Когда Миле было семнадцать, ее мать умерла от рака мозга.

— Это объясняет многое, — Фридман слегка наклонил голову.

— Она была для Милы всем. Она очень тяжело переживала ее смерть. Мне буквально пришлось заставлять ее жить дальше, продолжить учебу.

— Хорошо, что вы были рядом! — Фридман улыбнулся. — Без вашей поддержки она бы, наверное, не справилась.

— Кто знает... — тихо сказал Иван. — Может, если бы меня не было, она бы не сидела здесь.

Фридман на секунду замер.

— Думаю, если бы не вы, мы с Людмилой Михайловной познакомились бы раньше. — Он сказал это с легкостью, но Ивану показалось, что в этих словах было что-то... скользкое. — В любом случае, — добавил доктор, — с этим уже ничего не поделать. А что насчет отца?

— Михаила некому было поддержать после гибели жены. Я был с Милой. Мне еще нужно было работать. Он остался один.

— Он... не справился? Так?

— Спился.

Фридман не удивился:

— Такое бывает.

— Если бы вы знали ее мать, вы бы меня поняли.

Доктор кивнул, будто и так все знал.

— Он до сих пор живет в старой квартире. Мы почти не видимся. У нас с Милой больше никого не осталось.

Фридман какое-то время молчал.

— Мда-а-а... — наконец протянул он. — Нелегкая у вас судьба. И все же вы до сих пор вместе. Это же замечательно, не так ли?

Иван поморщился:

— Завидую я вашему оптимизму, доктор. Извините, что не разделяю его.

— Ничего, ничего. Я все понимаю. Это вы меня простите. — Фридман выдержал паузу. — А что насчет увлечений Людмилы? Что она любила? Чего не любила?

Он явно хотел переключить внимание.

— Как я говорил, она много читала. Читала все подряд, без разбору. Она могла прочесть очередную ерунду, но при этом так заразительно пересказать, что я сам начинал интересоваться. А если книга была хорошая, — он опустил взгляд, — она *не отпускала* ее неделями. Каждый раз, когда заканчивалась хорошая книга, Мила грустила. И каждый раз радовалась новой. Чтение было ее страстью.

— Отлично, — Фридман слушал внимательно. — Что еще?

— Дети, — уголки губ Вани дрогнули. — Она от них без ума. Если я возвращался из плавания убитый и злой, с мыслями все бросить... Она же приходила из школы счастливой. Светилась. Дети наполняли ее жизнь смыслом. Хочется думать, что и я тоже...

Фридман ничего не сказал.

— Еще она любила походы. Особенно здесь, в холмах.

Фридман чуть склонил голову, но не перебивал.

— Это было нашим местом. Нам нравилось, что люди избегают его. Тут редко кого можно было встретить. Мы часто ездили сюда до свадьбы и после вместе...

Он вдруг замер, его дыхание сбилось. Он вспомнил, как они бродили по этим тропам, как Мила смеялась, сбегаая вниз по склону. Как ветер путался в ее волосах. Как солнце пробивалось сквозь голубоватые сосны.

Иван стиснул зубы. Мгновение — и все исчезло. Перед ним сидела она. Он молча достал из кармана платок и осторожно вытер слюну с ее подбородка. Каждое движение было медленным, осторожным. Он больше не мог говорить.

Фридман наблюдал за ним. Пауза затянулась.

— Я так понимаю, мы подошли к причине вашего визита, Иван Андреевич. Может, вы бы хотели чаю? Сделаем паузу. Мы никуда не спешим.

Иван вновь взял Милу за руку.

— Я в порядке.

— Да, вы уже говорили. Я помню. Итак, Иван Андреевич... — Он выдержал паузу. — Расскажите мне про вашу дочь.

Иван сжал пальцы Милы сильнее. Ему было тяжело говорить об этом.

— Она была долгожданным и горячо любимым ребенком. Когда мы с Милой поженились, сразу захотели детей, но долго не получалось. Только через два года Мила смогла забеременеть. Мы были счастливы, когда наша малышка появилась на свет. Мы назвали ее Машей, но я звал ее Мышонком. Это время я сейчас вспоминаю, как цветную картинку — все вокруг было сочное, яркое, живое, жизнь была ключом. Моя мышка росла и хорошела с каждым днем. На вахту я уходил с тяжелым сердцем и все время думал о своих девочках, о том, как обниму их, когда вернусь. О том, как Маша кинется мне на шею, а Мила будет стоять рядом, улыбаться и трепать дочку по волосам. Я был благодарен Миле за такое чудо.

Он говорил это не доктору, а Миле. Но она, как всегда, не реагировала.

— Что случилось, Иван Андреевич? — осторожно спросил Фридман.

Иван вздрогнул, как будто очнулся.

— Было лето. У Милы каникулы, а я как раз вернулся с вахты. На выходные обещали хорошую погоду, и мы решили съездить на Дальнее озеро — отдохнуть, порыбачить, пожить пару дней в палатке. Даже самая маленькая рыбешка приводила мышку в восторг. Она визжала и хлопала в ладоши, будто мы вытаскивали не ершей, а золотых карпов. Машину мы оставили на шоссе, возле местного магазина. Так делали все. Маша была в своей любимой желтой панамке. Зашли в магазин, купили продукты, вернулись за вещами...

Иван осекся, будто столкнулся с невидимой стеной. Сделал глубокий вдох.

— У нас с Милой руки были заняты. Подул ветер и сдул панамку с мышки. Маша бросилась за ней...

Его голос дрогнул, но он продолжил.

— Все произошло так быстро... слишком быстро. Честное слово. Я... я успел лишь крикнуть... — Иван захрипел, будто слова застряли в горле. — Эта чертова фура... — Он закусил губу.

— Это ужасно... — Фридман обошел стол и положил руку ему на плечо. — Я вам искренне сочувствую.

— Не было ни звука, ни крика, ни удара. Ничего. Она словно исчезла. Я смотрел на дорогу и не верил глазам. Меня парализовало. Вокруг гудели машины, кто-то вскрикнул, кто-то что-то закричал, но я ничего не слышал. Все ушло на задний план... А потом я услышал ее.

Он замолчал.

— Мила, — наконец сказал он. — Она закричала. Я никогда не слышал такого жуткого крика. Внутри все сжалось. Я с трудом дышал.

У него закололо в висках. Иван поднял руку к лицу, вытер слезы.

— Я побежал к дороге. Я не думал, просто бежал. В голове была единственная мысль — найти ее, поднять, прижать к груди. Сказать, что все хорошо, что мы сейчас поедем домой... Ее там не было. Там вообще ничего не было.

Он взял у доктора салфетку

— Потом я все-таки нашел ее, — глухо сказал Иван. — Точнее, то, что от нее осталось...

Фридман напрягся, но промолчал.

— Это с какой же скоростью нужно было лететь, чтобы... — Иван не договорил.

Он закрыл лицо рукой, провел ладонью по глазам, по щекам, по подбородку. Как будто мог стереть картинку, что стояла перед глазами.

— Я собирал свою дочь по кусочкам. Ее одежду. Сандалии. Панамку. Там, на асфальте, не было ничего человеческого. Я искал в этом... что-то знакомое, но не находил. Я хотел увидеть ее личико... — Он снова замолчал. — Там был еще один крик, — сказал Иван, — нечеловеческий. Крик, переполненный отчаянием и диким горем. От него заложило уши... и кровь застыла. Было очень страшно... Это был мой крик, доктор. Я так орал, что у меня изо рта кровь потекла. Помню, как она капала на ее желтую панамку. Почему я не уберег свою малышку?..

Фридман молча протянул ему стакан воды.

— Думаю этого достаточно, — сказал Фридман, и наступила долгая пауза.

Спустя минуту Иван продолжил:

— Это случилось полтора года назад. Маше было пять. — Иван жадно сделал несколько глотков, отдышался. — Ублюдка, сбившего мою дочку, звали Сергей Перов. Его искали полгода, но так и не нашли. Нашли только фуру, брошенную на перевале Каскадных гор. Машину вскрыли, обыскали, но он просто испарился. Эти недоноски ничего не нашли. А потом... а потом на нас забили. — Иван улыбнулся — устало, горько. — Я надеюсь, что эта тварь сдохла в горах. Но если нет... — Он сжал стакан так, что пальцы побелели. — Если нет, я сам его найду. А я найду, потому что не сдавался, как эти...

Фридман чуть подался вперед.

— Выпейте. Это вас успокоит, — доктор достал из стола таблетку. Иван смотрел на нее несколько секунд, потом взял и запил водой.

Он не доверял врачам. Никогда. Но этот странный, непонятный доктор, который вел себя то как чудаковатый профессор, то как дешевый фокусник, чем-то его зацепил. То ли искренностью, то ли тем, что не стал говорить «вам нужно отпустить» и «время лечит».

А может, дело было в другом. Когда мы доходим до крайней точки, то хватаемся за любую соломинку, даже если она гнилая, потому что больше не за что держаться. Доктор Фридман и его больница были той самой соломинкой — последней надеждой. Если и это не поможет, если Мила останется такой же пустой, как сейчас, если Иван останется таким же пустым, как сейчас... Он не хотел думать об этом.

— Амит Львович, почему вы пришли за нами? Вы же здесь главный... и у вас явно должны быть дела поважнее, чем беседы по душам с простыми пациентами. — Иван слегка успокоился, таблетка помогла, но что-то в поведении доктора его все равно напрягало.

— Вы не простые пациенты, — Фридман улыбнулся. — И я предпочитаю термин *гости*. Личное общение со всеми моими гостями, а также с их близкими — важная часть моей работы. — Он кивнул в сторону Милы. — Просто с кем-то я провожу больше времени, а с кем-то меньше. Все зависит от ситуации, — его голос стал живее, у него появился какой-то детский азарт. — Видите ли, Иван Андреевич, когда мои лучшие коллеги по всему региону не могут разобраться с каким-то особенно сложным случаем, во мне просыпается тот самый любопытный мальчишка, каким я был в далекие годы своего обучения. Можно сказать, это спортивный интерес. Вызов! — Фридман хлопнул ладонями по столу. — Поэтому таких гостей я беру под личный контроль.

Иван нахмурился: в словах доктора была какая-то легкомысленность. Или даже цинизм. Как будто их история для него — лишь очередная загадка, которую интересно разгадывать.

— Надеюсь, при лечении моей жены вы будете немного серьезнее, — тихо сказал он.

Доктор моментально изменился в лице, словно надел новую маску:

— Еще раз повторюсь, Иван Андреевич: вы особенные, и подход к вам будет особенный. — Он наклонился чуть ближе и с нажимом добавил: — По всем вопросам — ко мне или к моей помощнице, Вере Дмитриевне. Она уже подходила к вам в приемной. — Затем резко выпрямился, снова улыбнулся: — А теперь, если позволите, я осмотрю Людмилу Михайловну, и мы разместим ее в реабилитации. Там прекрасный вид на озеро, свежий воздух — все, что способствует восстановлению. Ее вещи оставьте в коридоре, их заберут. Вера Дмитриевна заполнит документы и покажет вам, где можно остановиться.

— Остановиться?

— Конечно. Вашей жене будет легче, если кто-то из родных будет рядом, когда она придет в себя. Для таких случаев мы размещаем у себя в реабилитации сопровождение. Места всем хватит, не переживайте.

— Мы рассчитывали на совсем другое, — Иван оглядел кабинет. — И оставаться я не планировал, но теперь... эта идея кажется мне не такой уж плохой. — Он задумался — пожалуй, это даже правильно: если быть рядом, все будет под контролем. — Единственное у меня с собой нет вещей.

— Можете попросить кого-нибудь привезти. В крайнем случае, наши сотрудники заедут за ними.

— Нет, спасибо. Я сам.

— Прекрасно.

Фридман выглядел напряженным. Иван повернулся к Миле, провел ладонью по ее щеке, нежно поцеловал в лоб:

— Я скоро буду, совушка.

Когда он уже выходил, Фридман его окликнул:

— Иван Андреевич...

Иван обернулся. Доктор будто светился. В прямом смысле — свет вышел из него, собрался в одну яркую точку над головой и погас. Иван моргнул, отгоняя наваждение.

— Спасибо за то, что были честны и открыты со мной. Я ценю ваше доверие, и мы не подведем вас. — Доктор говорил серьезно, даже слишком. — Ваша жена будет здорова, — твердо добавил он. — Я вам обещаю.

Иван кивнул:

— Спасибо.

Ему внезапно стало не по себе. Он вышел из кабинета, ощущая, как с каждым шагом напряжение отпускает.

Через пару минут в смотровую влетела Вера Дмитриевна.

— Он сказал, что за вещами! — воскликнула она. — Какими вещами, Амит Львович? Что за ерунду вы тут устроили?

Фридман невозмутимо откинулся на спинку стула:

— Дорогуша, у нас тут гости, — он указал на Милу. — И, по-моему, повода для беспокойства нет.

— Вы забыли, кто он?

Доктор усмехнулся:

— Вот я-то как раз и помню это, моя хорошая. Иван Андреевич уже оценил обстановку и отметил несоответствие увиденного с ожидаемым. Тут мы никуда не денемся. Это значит, что у нас есть два пути: либо он решит замять ситуацию, либо обратится к своим связям в администрации. Все мы прекрасно знаем положение нашего нового гостя и сферу его влияния.

Он пощипал переносицу.

— Если второе — начнутся проверки. Будут задавать вопросы, куда делись бюджетные деньги. Но я уверен, что он этого делать не станет.

— Почему?

— Потому что такие, как он, обращаются за помощью лишь в крайнем случае. Но мы до этого доводить не будем, верно? Ну или, по крайней мере, когда это случится, мы будем рядом, чтобы оказать нужную помощь.

Вера Дмитриевна сжала руки в замок, вглядываясь в лицо начальника:

— Может, не стоило его тогда отпускать? Вы не думаете, что, отпустив его, вы гораздо больше проблем нам создадите?

— Успокойтесь, дорогуша!

Доктор улыбнулся, взглянул в окно:

— Он обязательно вернется. И вряд ли уже куда-то денется. Здесь он оставил самое главное. Все само решится, вот увидите, Вера Дмитриевна.

Иван ехал по разбитой дороге, ощущая странную пустоту. Он не должен покидать это место. Фридман сказал, что Мила будет здорова. Это все, чего он хотел. Но почему-то эти слова больше тревожили, чем успокаивали.

6. Место в раю

Этой ночью Иван практически не спал, его мучили кошмары. Снова тот день — мелькающие кадры, крик, панамка на дороге... Потом он видел свою жизнь после катастрофы, однако в ней не Мила теряет рассудок, а он. Он сидит в коляске в темной комнате, взгляд становится пустым, и жизнь уходит из него. Он проваливается в пустой колодец безжизненного взгляда и оказывается в клетке, откуда ему уже никогда не выбраться, где нет ничего кроме всепоглощающего чувства вины, нестерпимой скорби и ужасных мук, от которых хочется разорвать кожу на груди и выломать себе ребра...

На рассвете он вернулся в больницу с вещами. В регистратуре его встретила Вера Дмитриевна. Она сказала, что доктор Фридман занят и не сможет уделить ему время. Говорила холодно, но в глазах читалось что-то странное. Облегчение? Или, наоборот, разочарование?

По ее указанию в приемную зашел санитар — крепкий бритый мужик в помятом халате, больше похожий на гопника, чем на медработника, — безразличное лицо, тяжелый взгляд. Он молча кивнул, приглашая Ивана идти за ним.

За порогом приемной в нос ударил все тот же противный запах. За смотровыми и кабинетами врачей они свернули налево — в сторону реабилитационного отделения. Стеклопанная дверь была не заперта. Здесь пахло лучше, но все равно приходилось терпеть запах стерильного запустения.

Вдоль коридора шли помещения: справа столовая, из кухни тянуло дешевой стряпней. Столы были практически пустые, за ними сидело всего несколько человек. Другие молча брали подносы и уносили еду в палаты. Слева была библиотека и компьютерная комната, оттуда доносились тихие голоса. В самом коридоре стояли лавочки, на которых боязливо обжимались пациенты. Завидев Ивана, они тут же отстранились друг от друга.

Коридор вывел в жилой блок. Дверь здесь была обычная, с ручкой. Двенадцать комнат, по четыре койки в каждой. Условия были не такие, как в рекламных буклетах, но и не ужасные: чисто, тепло, свой туалет в каждой палате. Из жилого блока можно было попасть в комнату для досуга. Здесь стояло несколько столов, телевизор, настольный теннис и много цветов в горшках на полу. Из игровой вела дверь на улицу, прямо на набережную озера. Еще тут был свой спортивный зал и душевые. Все выглядело очень скромно.

— Дежурный врач сейчас подойдет, жди, — буркнул санитар и удалился.

Иван шагнул в палату.

Из окна действительно открывался вид на Дальнее озеро, доктор не соврал. Стальная гладь воды отражала серое небо, а вдали торчали зубцы Каскадных гор. Если бы не больничная палата, можно было бы представить, что это база отдыха. Правда, Иван никогда не любил такой отдых: базы давно обветшали, сервис умер еще в начале девяностых, поэтому они с Милой в основном ездили с палатками. На Дальнее озеро приезжали ради природы, а не комфорта.

Было в этом что-то душевное и родное: костер, палатка, простая еда. Вокруг зеленый лес, скалы и озеро, полное рыбы. Ни один отель не мог дать Ивану и Миле того ощущения свободы и покоя, которое они находили наедине с природой.

Мила спала. На вид — спокойная, умиротворенная. Она уже была переодета в больничную одежду, а вещей, что Иван привез, нигде не было. Исчезли книги, которые он читал ей по вечерам. Пропали подарки и записки учеников, даже шоколадка Феди. Осталась только их фотография в тумбочке.

Иван напрягся: все выглядело слишком... *правильно*. Это не вязалось с тем, что он видел в приемной.

«Может, нам и вправду повезло?» — подумал он. Ему хотелось верить в это. Надо гнать дурные мысли. Хорошо, что Кириллыч его уговорил.

Он сел рядом с кроватью, взял Милу за руку:

— Здравствуй, совушка. Это я.

Мила открыла глаза и посмотрела на него.

Иван застыл. Сердце заколотилось так, что отдавало в виски. Она *увидела* его. Последний год она не реагировала ни на что — ни на звуки, ни на прикосновения, ни на него. А теперь...

Лицо ее не изменилось, оно было таким же пустым и отстраненным, но глаза... В глазах было что-то другое — они ожили.

Иван стиснул пальцы: а вдруг... вдруг это работает?!

— Мила, ты слышишь меня? Это я, Иван. Я здесь! Боже, как же я рад, что ты слышишь! Как ты? Скажи мне хоть что-нибудь...

Мила смотрела на него. Не просто перед собой, не в пустоту, а прямо на него. У Ивана перехватило дыхание. Он не знал, сколько они так смотрели друг на друга, но за это время в голове у него пронеслось все — последние полтора года, бесконечные попытки достучаться до нее, ее пустой взгляд, ее молчание... А теперь — вот оно: она здесь, она его видит.

— Она тебе не ответит, — раздался холодный женский голос.

Иван дернулся. Позади стояла высокая костлявая женщина в очках на тонкой цепочке, со снисходительной усталостью на лице.

— А вы кто? — настороженно спросил он.

— Елена Григорьевна, дежурный врач отделения, — отрезала она, но тут же чуть замялась.

— Иван...

— Да знаю я, знаю, — перебила его Елена Григорьевна и раздраженно фыркнула: — Не стоит так наседавать на супругу. Она толком не проснулась, а ты уже закидал ее вопросами.

— Но вы видели?! Она на меня посмотрела. Она больше года не смотрела мне в глаза! Что вы сделали? Прошел всего день.

— А чего ты ожидал? — Елена Григорьевна насмешливо покачала головой. — Мы тут вообще-то работаем, а не ерундой страдаем, как городские врачи, называющие себя психиатрами.

— Что с ней?

— Не мне ставить диагнозы. Я фиксирую изменения, слежу за состоянием гостей, оказываю неотложную помощь. У меня таких, как твоя супруга, человек сорок. И есть куда хуже. Поверь, ее положение не самое плачевное. У нас тут не так много рук, так что не создавай нам лишней работы.

Она подошла к Миле, проверила рефлексy, послушала дыхание, записала что-то в карточку.

— За курс лечения отвечает доктор Фридман. Тебе лучше поговорить с ним.

— Когда он будет?

— Я тебе не секретарь. Завтра. — Она убрала карточку, смерила Ивана холодным взглядом: — Долго здесь не засиживайся, прогулка заканчивается. Скоро вернуться остальные пациентки, они не очень любят гостей. Не стоит тревожить и без того беспокойных людей. К тому же, Людмиле Михайловне нужен покой. Вечером у нее процедуры. У тебя не больше часа.

— Понял.

— Палату свою найдешь или позвать Игоря?

— Спасибо, разберусь.

Она развернулась и вышла, даже не попрощавшись.

Весь последующий час Иван не сводил глаз с Милы. Он держал ее за руку, ощущая слабое тепло ее ладони. Ему казалось, что она чуть заметно сжимает его пальцы. Или ему это чудилось?

Он представлял, как они вместе уедут куда-то далеко, в настоящее путешествие. Не в очередную лечебницу, а в теплые места, где можно будет просто жить — без боли, без страха.

Когда настало время уходить, он не сразу смог оторваться. Медленно отпустил ее, провел рукой по щеке:

— Я скоро вернусь, совушка.

Мила медленно моргнула. Иван удержался, чтобы не сказать ничего лишнего, развернулся и вышел.

В коридоре его ждал другой санитар:

— Иван Андреевич, давай провожу до палаты и вкратце расскажу, что тут и где.

— А вы кто?

— Хм... — санитар понимающе кивнул. — Дмитрий Валентинович. Зови меня Дима. — Санитар выглядел по-человечески, не как тот гопник. Улыбка была усталой и не злобной. — К остальным лучше обращайся по имени и отчеству. Тут так принято.

— Как скажешь.

— А вещи лучше дай мне, — он кивнул на сумку Ивана. — Сюда со своими нельзя.

— Какие-то особые запреты?

— Да почти на все, — Дима пожал плечами. — Телефоны, шнурки, ручки, линейки, драгоценности... Но ты не переживай, я о твоих вещах позабочусь, ничего не пропадет. Другие не так серьезно к этому относятся, так что может что-то пропасть.

— Линейки?

— Не спрашивай...

Иван хмыкнул и отдал ему сумку.

— Пойдем, — Дима закинул ее на плечо и двинулся вперед. — Это реабилитация. Пожалуй, лучшее место в «Святом Валентине».

— Seriously?

— Увидишь. Здешним крупно повезло. Тут можно свободно ходить в библиотеку, брать еду из столовой, выходить на прогулку. Главное, предупредить Елену Григорьевну. На ночь отделение закрывают на ключ, но в остальное время никто тебя тут не держит под замком.

— Звучит не так уж плохо.

— Да. И целая пачка сигарет в день.

— Я не курю.

— Советую брать, когда будут давать.

— Зачем?

— Облегчает жизнь. — Санитар криво усмехнулся. — Обслуживающего персонала не хватает, а медсестры не горят желанием работать сверх нормы. Тут за сигареты делают все. Девочки убираются, стирают, моют полы. А мужики разгружают продукты, возят и моют недееспособных... даже те, кто не должен. Могут прийти из других отделений и попросить помощи.

Иван покачал головой.

— Ты называешь это «повезло»? Это же дичь какая-то. Город в курсе?

— Повезло — это мягко сказано, — ответил санитар.

— А если откажутся?

— То мы все зарастем говном. — Он остановился и посмотрел на Ивана: — Будь реалистом, друг мой. Здесь не все так плохо, как кажется.

— Да уж.

— Кому как не тебе виднее. Многие гости на четверти ставки — работают за сигареты. А кто-то так отработывает право оставаться в раю.

Иван почувствовал, как у него внутри холодеет. Рай, значит... Он молчал, глядя на обшарпанные стены. Все услышанное, не нравилось ему.

Они остановились у дверей зала отдыха.

— Тут гости играют в настолки, читают, смотрят телевизор. Есть теннисный стол, спортзал, отдельные душевые. Даже бассейн есть... был. Сейчас не работает. Туалеты в каждой палате свои. Неплохо да?

— Неплохо для чего? Чтобы окончательно не сойти с ума?

— Перестань, Вань. Честно, рад за тебя. Не просри свой шанс — не каждому выпадает случай попасть в реабилитацию, а не в стойло за дверями без ручек.

— Видимо, у вас тут так принято разговаривать с гостями. Ладно, я не гордый, обиды на тебя не держу. Ты мужик вроде нормальный — смотришь на них... как на людей. Другие смотрят... как-то не по-доброму.

— Тяжелый случай, — Дима похлопал Ивана по плечу. — Видишь, тут даже аквариум есть с черепахами. Пальцы главное не суй — откусят.

— А это нормально?

Иван кивнул в сторону целующихся пациентов на диване в дальнем конце зала.

— Нормально, пока другие сотрудники не видят. Я не обращаю внимания — все это знают и пользуются. Пускай себе дружатся, мне не жалко. В мою смену можно даже *момент* поймать.

— Момент? Для чего?

— Иван, Иван... — санитар с усмешкой покачал головой. — Сам знаешь для чего. Советую, тем более жена теперь под боком.

— Спасибо, потерплю.

— Твое дело, — Дима зевнул. — Гости у нас живут месяцами, а кто-то и годами. Где-то же им надо личную жизнь устраивать. Тут без этого не выжить. Кому они нужны, кроме друг друга?

— Несколько лет?

— Бывает и дольше.

— Отсюда вообще можно выйти?

— За двадцать лет, что я тут работаю, вышли всего четверо.

— И?

— Одна спилась и умерла. Один пропал. Лишь двое нашли себя, завели семью и работают.

— Надо менять статистику.

— Ну... все в твоих руках. — Дима криво усмехнулся и толкнул дверь крайней палаты. — Будешь тут один, как блатной. Отдыхай. Только давай без агрессии, а то блат быстро закончится.

— Да я вроде нормально себя веду. С чего мне буяннить? — удивился Иван.

— Это так... дружеское предупреждение.

Палата пустая и холодная. Четыре койки, возле каждой тумба. У входа большой шкаф и стол со стульями, где можно поесть. Дверь в крошечный санузел с раковиной.

Иван захлопнул дверь, оперся на нее спиной. Все внутри кипело.

Он ходил по палате взад-вперед, как зверь в клетке. Когда-то одиночество его не пугало, он сам его выбирал. Друзей у него не было, кроме Бори. Все, кто мог себя так называть, давно перестали звать его на встречи из-за постоянных отказов, Иван к этому привык. Подружки Милы тоже давно перестали навещать их. Ему было плевать на всех, кроме Милы. Они были одни в целом мире.

Но сейчас ему было не по себе: он уже привык к тому, что Мила рядом, а теперь ее забрали. Она была, можно сказать, рядом, но в то же время — вне досягаемости. Весь мир сжался до этой комнаты.

7. Обратная сторона

Утром Иван первым делом попытался выяснить, когда появится доктор Фридман. Но у Елены Григорьевны, как и вчера, не было для Ивана хороших новостей: доктор занят, у него важные дела, на него не рассчитывайте. Навестить Милу у него тоже не выйдет, весь день расписан по минутам.

На следующий день — то же самое. И через день.

Ивана раздражало, что он не может увидеть жену. Он ругался с санитарями, спорил с Еленой Григорьевной и Верой Дмитриевной, требуя хотя бы коротких встреч в перерывах между процедурами или вечером перед отбоем. Но каждый раз находилось новое оправдание: то Мила спит после лекарств, то тихий час, то ее якобы забрали в другое отделение. Соседки Милы по палате относились к Ивану настороженно и неохотно поддерживали разговор, особенно когда он появлялся неожиданно. Вечером палату запирали, будто ему назло, и врываться туда ночью было бы совсем уж неприлично. Постепенно он устал от постоянных обещаний скорой встречи. В клинике царил бардак, и Иван махнул рукой — решил подождать и посмотреть, что будет дальше.

Иван чувствовал, как *увязает* в этом месте. Он был здесь посторонним. Он не знал, чем себя занять, и, чтобы хоть как-то заполнить пустоту, начал наблюдать за окружающими.

Больные избегали его. Кто-то отворачивался, кто-то просто молчал, а кто-то спешил уйти, стоило ему подойти. Почему — Иван не догадывался. Он пытался разговаривать с людьми, но те только напряженно улыбались или отмалчивались. Страх витал в воздухе.

Постепенно он начал осознавать, что реабилитационное отделение — это *привилегия*. Здесь не просто лечили, сюда допускали исключительно избранных, тех, кто заслужил это место. Первое же отделение было сущим адом. Пациенты, которые побывали там, старались не вспоминать об этом, возвращаться туда никто не хотел. Второе отделение было тюрьмой, из которой никого не выпускали, и про тех, кто там находился, говорили редко, а если и говорили, то шепотом.

В реабилитации же царила иллюзия *нормальности*. Здесь не было буйных, агрессивных или помешанных. Иван смотрел на людей и не понимал, почему они здесь? Все выглядели адекватными, будто обычные люди, которых можно встретить на улице. Позже он узнал: все, у кого не в порядке с головой, сидят в первом отделении, а во втором держат бегунков, опасных пациентов и конкретных психопатов.

Основная масса — это алкоголики и наркоманы. Иерархия здесь была четкая: алкоголики считались элитой. Санитары общались с ними на равных, закрывали глаза на мелкие нарушения, позволяли некоторые вольности. Но за это нужно было платить: гостям приходилось работать, чтобы выжить. Кто хотел заслужить расположение санитаров, мог помочь: донести кого-то до процедурного кабинета, столовой или душа, разгрузить машину с продуктами или подмыть обосравшегося деда. Сильным везло больше — за тяжелую работу они получали не сигареты, а более ценную награду — фрукты, чай, сладости. Слабым же приходилось драить полы, туалеты, стирать чужую одежду.

Сигареты были местной валютой. Теперь Иван понял, что имел в виду Дима, когда советовал брать их, даже если он не курит. Здесь сигареты имели большую ценность, чем деньги: ими можно было откупиться от работы, нанять кого-то вместо себя, обменять на услуги.

Ночами Иван плохо спал и бродил по отделению, чтобы убить время. В одну из таких ночей, проходя мимо столовой, он заметил свет. Внутри сидело несколько «элитных» пациентов, они варили чифир. Завидев Ивана, не испугались и даже не насторожились. Один молча стрельнул у него сигарету и лениво спросил:

— Чего надо? — Иван промолчал. — С санитарями у нас все схвачено, так что, брат, лучше иди, чтобы без последствий, — посоветовал он не грубо, но и не дружелюбно, просто изложил факты.

Иван понял намек и ушел.

Работу можно было не делать — никто не заставлял, не наказывал. Но если пациент постоянно отказывался работать, его переводили в первое отделение. На его место тут же находили другого — конкурс на место в раю был большим.

С непослушными поступали так же: если человек слишком много возмущался или создавал проблемы, его отправляли в первое. А если был агрессивным — сразу во второе.

Чем дольше Иван находился в реабилитации, тем больше понимал: это место держится на самих больных. Персонала катастрофически не хватало. На все отделение — один санитар, одна медсестра, две уборщицы и дежурный врач, который появлялся по расписанию. Большую часть хозяйственных дел гости брали на себя, выполняя работу вместо персонала.

Но больше всего Ивана злило другое: пациентами не просто пользовались — их нагло и цинично эксплуатировали. Иван пытался разобраться, почему все так устроено. Елена Григорьевна его игнорировала, называя вопросы глупыми. Игорь вызывал отвращение — он вел себя с людьми как садист, и Иван даже подходить к нему не хотел. Оставался один Дмитрий Валентинович. Но, по словам Елены Григорьевны, он последние дни работал в первом отделении. Для самих пациентов все происходящее не было проблемой: на любой вопрос у них была дежурная отговорка: «Чего ты хотел? Мы же в дурке!»

Однажды днем Иван застал в курилке на улице уборщицу. Она отбивалась от постояльцев, которые окружили ее плотным кольцом, стреляя сигареты. Вид у нее был тревожный, и чтобы они отвязались, она отдала им остатки — и те тут же разорвали пачку, как стая воронья. Те, кому не досталось, злобно вились вокруг счастливиц и каркали:

— Дай затянуться...

— Ну что, жалко, что ли?..

— Покурим!..

Курили до фильтра. Пепел не стряхивали — счищали пальцами. Брошенные хабарики старики аккуратно доставали из урн и добивали последние тяжки. Иван дождался, пока толпа рассосется, подошел к уборщице и молча встал рядом, опираясь на подоконник:

— Можно?

— Сигарет больше нет, — вытирая выступившие слезы, ответила уборщица.

— Я не за сигаретами. Просто хочу поговорить.

— У меня нет времени на разговоры. Сил на работу не хватает, а тут еще ты...

— Я не задержу вас надолго. Да и помочь хотел. Вижу, вам тяжело... Совсем некому работать?

Уборщица усмехнулась — глухо, почти истерично:

— Совсем некому — это ты еще мягко сказал.

— А начальство?

Она осторожно оглянулась.

— Начальство? Начальству не до нас. И не до вас, как видишь.

— Не волнуйтесь, нас никто не услышит. Этот придурок Игорь торчит в столовой, у Елены Григорьевны вечно какие-то процедуры, — Иван повысил голос: — А Амида Львовича я уже три дня как не видел! Кроме вас — вообще никого. — Он выдохнул, пытаясь успокоиться, и посмотрел на нее, усталую, измученную, таскающую ведро по коридору с утра до вечера. — Спасибо вам за работу. Я даже представить не могу, как вам тяжело. Три дня — и ни минуты передышки.

Уборщица расслабилась, выдохнула:

— Спасибо, Вань. Не ожидала от тебя... внимательности, что ли.

— Это вам спасибо... — Иван замялся, пытаясь вспомнить имя уборщицы.

— Ну ты и шутник, — улыбнулась она. — Можно просто Люба. А я думала, это я хлорки перенюхала.

— Ах да, Люба.... Точно, — он кивнул. — А отдыхать-то когда?

— Да куда там отдыхать. Вторую неделю пашу как лошадь — ни рук, ни помощников. — Она вытерла пот со лба. — Уборщиц нет, сиделок нет. Коридоры и туалеты вообще должна убирать другая смена, но ее тоже нет. А мыть там надо три раза в день. И я тут одна. Спасибо хоть ребята помогают.

— Хорошего мало.

— Хорошего? — она хмыкнула. — Мы тут таких слов не знаем. Встаем в пять тридцать, моем коридоры и туалеты. Потом они покушают — опять коридоры и туалеты. Вечером, пока гуляют, — снова коридоры и туалеты. А еще генералка раз в день.

— Генералка?

— Дают три-четыре палаты, и я убиваю на них три-четыре часа. И это не просто полы протереть — надо залить химией, оставить на час, потом смывать. После кварцевать, проветривать. А нас всего двое. Когда тут отдыхать? — она махнула рукой. — Нам еще и памперсы менять.

— Не переживайте, я свой уже поменял, — попытался разрядить обстановку Иван, но голос предательски дрогнул.

Люба не обратила внимания:

— Это я про первый корпус. Тут я, можно сказать, отдыхаю: под себя мало кто гадит. И люди понимающие.

— Хочется в это верить.

— Если бы не вы, мальчики... — Люба прикрыла глаза. — Поддержать, подмыть — мы вдвоем бы точно не справились. — Она посмотрела на подоконники. — Эти вот подоконники мы бы и чаще терли, была бы такая возможность. Но сил и времени хватает всего на три раза. Мы бы очень хотели, чтобы чистота тут была как дома. Порой ребята разбредутся по подоконникам и курят каждый у своего. Мы им говорим: «Курите в одном месте, чужой труд уважать надо». А им хоть бы что. Бывает, гоняем их тут тряпками. Это, конечно, неправильно — люди больные, мы все понимаем. Им бы внимания больше уделить, по-человечески поговорить, но когда нам этим заниматься, все время на уборку уходит. Еще белье это... Само себя оно не разберет, а должно быть все аккуратно, простыня к простыне. Нас же за это спрашивают потом.

— Я поговорю с ребятами, чтобы срач не устраивали.

— Да толку-то! — Люба пнула ведро со шваброй. — Заставляют красить швабры, тряпки. Подписывать каждую, чтобы, не дай бог, тряпка из одного отделения не оказалась в другом. Или, хуже того, не пропала.

— Тряпка? — Иван поднял брови.

— Да, тряпка, Вань. Каждую вахту начинаем с покраски швабр и тряпок. Ты что думаешь, нам краску на это выделяют? Хрен там — носим свою из дома, потому что медсестра придет и проверит. А если не подписана или хоть одна буква стерта, медсестра все зафиксирует, а нас потом оштрафуют. Так мы их постоянно подкрашиваем, — она грустно рассмеялась. — Тут еще заставили какие-то заплатки на них пришить и записи делать ручкой после каждой уборки. А толку то... Ее намочишь — и все стерлось. И когда писать то — она вечно мокрая, мы все время на уборке. А если не напишешь — штраф. — Она сжала пальцы на швабре. — Ладно бы краска. Но средства тоже из дома носим. Местное, что выдают, не оттирает. Не ототрешь — что думаешь?..

— Понятно — опять штраф, — покачал головой Иван.

— Вот-вот! Боимся, Вань, всего.

— Как и все пациенты.

— У медсестры есть листочек. Как генералку сделаем, ее надо звать, чтобы она приняла работу и поставила отметку. А проверяет все — каждый угол, каждую щель. Отодвигает койки, шкафы, карнизы, подоконники, пальцем водит по всем поверхностям. — Люба усмехнулась: — Сейчас вот случай был... Убралась, пошла за сестрой, возвращаемся, а на подоконнике уже сидит парнишка, чего-то там жует. Не уследишь же за всеми! Сколько раз просила их есть в столовой — нет, тащат по палатам. — Она пожала плечами: — Мне нетрудно было бы протереть за ним, честное слово. Но сестра посмотрела, увидела крошки — и не подписала. А без подписи — штраф.

— Сколько?

— Две тысячи за каждую генеральную уборку. С каждой из нас. Это очень много, у меня зарплата пятнадцать, — Люба быстро смахнула слезы. — Выбежала дух перевести, да и то времени плакать нету — сейчас опять идти мыть. — Она прикрыла глаза.

— Неужели с этим вообще ничего нельзя сделать?! — возмутился Иван.

— А что тут сделаешь? — Люба нервно рассмеялась. — У меня дети, Вань. А у Иры, помимо дочки, еще ипотека. С нее в прошлом месяце списали шесть тысяч. — Люба сжала пальцы на дужке ведра. — Приказ какой-то пришел, ничего не объяснили. Генералки все были приняты, но что-то пересчитали — и штраф. Понимаю за дело бы, а тут-то за что? Я на нервах три кило скинула. Парнишки еще все болели, осень же. Все-все терли, я тебе клянусь. И тут такое... Если бы всего тысячу сняли, я бы еще поняла, но половина зарплаты?

— Ну и изверги... — Иван сжал кулаки.

— Про отпуск я вообще молчу. Досрочной пенсии за вредность у нас нет. Потому что мы не медработники, — она опять усмехнулась. — Мне еще год до пенсии по вредности оставался, а теперь — хрен тебе, Люба. Мы с девочками даже в суд ходили.

— И что?

— Категорическое «нет». Даже слушать не стали. — Она зло вытерла руки о халат. — Подставного типа из трудовой инспекции привезли, он в кабинете у Амита Львовича посидел, поохотали там, да и все. Даже по отделению не прошелся. — Она тихо рассмеялась: — Вредность убрали, отпуск не дают, штрафы конские. Мы потом к своей сестре в городе на осмотр ходили, у нас у всех горло в язвах, хлоркой сожженное. А она на нас смотрит: «Вы там чем занимаетесь вообще?! Вам не работать, вам лечиться пора!» — Люба пожала плечами: — А что мы ей ответим?

Иван посмотрел на нее с сочувствием:

— Почему не уйдете, раз все так плохо?

— А куда, Вань? Какие варианты? Муж бросил, одна с детьми. В городе либо пить, либо тут, либо в море. Где я, а где море? А пить я не могу, — она поправила косынку, — у меня дети. — Посмотрела на Ивана и улыбнулась краешком губ: — Заболтал ты меня.

— Мила поправится, мы выйдем отсюда — и я пойду к губернатору. Разворошим этот клоповник. Чтобы вам и персонала больше выделили, и штрафы отменили. Он мне должен. — Она удивленно посмотрела на него. — Я заставлю их шевелиться!

— Наивный ты, Вань, — Люба покачала головой. — Выйти отсюда — еще та задачка. А стучаться в эти кабинеты — так вообще занятие бессмысленное. — Она посмотрела на заходящее солнце. — Где они, а где мы?.. — Потом натянула перчатки и развернулась к двери: — Ладно, я побежала. А ты тут не засиживайся. Уже холодно и темно.

Иван смотрел ей вслед и понимал: если даже сотрудники здесь в ловушке, то что ждет его и Милу? Мысль была невыносимой. Казалось, стены клиники вот-вот обрушатся на него.

8. Родственники

Так прошла неделя. Каждый день Иван приходил в палату Милы, но не находил ее на месте. Елена Григорьевна каждый раз находила новое оправдание, будто Мила на особых процедурах под руководством Амита Львовича, и всячески старалась его успокоить, тем самым сильнее раздражала.

Он приходил в разное время, но все равно не мог застать любимую, и с каждым днем его терпение таяло. Доктора Фридмана тоже не было. В приемной Вера Дмитриевна кормила его завтраками, повторяя одно и то же: «Если понадобится, Амит Львович сам вас позовет. А пока нечего носиться по клинике и мешать людям работать». Мириться с этим бардаком становилось все труднее.

Чтобы хоть как-то занять себя, Иван стал помогать Любе с уборкой палат. На тяжелые работы, вроде переноски пациентов или разгрузки, его не звали, но делать все равно было нечего. Он вызвался добровольно и старался не подводить уборщиц. Люба была удивлена и не раз говорила, что не ожидала такого от него.

Однажды, убираясь у себя в палате, Иван нашел за кроватью мятую записку с аккуратным детским почерком, явно девичьим: «Я жду тебя. Скорее приходи». Иван решил, что это одна из записок учеников Милы — выпала из вещей, когда их забирали. Он долго смотрел на листок, потом положил обратно в тумбочку и не стал придавать этому значения.

Кроме Ивана с уборкой помогал еще один гость — Егор. Он оказался первым, кто не побоялся заговорить с Иваном. Более того, рассказал свою историю, после которой Иван еще сильнее разочаровался в людях.

Егор был младше, лет двадцати пяти. В лечебнице он жил уже два года, до этого подрабатывал грузчиком в порту и учился в местном строительном техникуме. Еще в школе у него умерла мать. Отец долго переживал, потом запил, через несколько лет не стало и его. Егор переехал к бабушке, в ее старую трехкомнатную квартиру. А когда ему исполнилось двадцать, умерла и бабушка. Он остался с двумя квартирами, родительской и бабушкиной, но ненадолго. У него была тетя — сестра его матери, занимавшаяся недвижимостью. Когда он оказался один, она попросила о помощи — переписать его долю в родительской квартире на свою дочь, чтобы та смогла оформить ипотеку с залогом на долю. «Просто формальность, чтобы помочь родным», — говорила она. Егор согласился — он знал родню с детства, не видел в этом подвоха.

Потом нужно было сделать ремонт в родительской квартире. Тетя помогла продать бабушкину трешку, а на оставшиеся деньги предложила купить участок с дачей. Позже она уговорила его продать и дачу. Затем придумала сложную схему с разменом родительской квартиры — чтобы в итоге получилось две: для Егора и для ее дочери. Он опять был не против.

Егор плохо разбирался в этом всем, к тому же, пока шли все эти сделки, его жизнь покати-лась под откос: потеряв всех близких, он сломался, начал пить, курить, потом нюхать. Дальше понеслось по наклонной: хулиганство, порча чужого имущества, мелкие кражи. В конце концов под веществами у него случились галлюцинации, и он решил, что все это реально. Так и попал в психушку в первый раз.

Его выпустили, но через несколько месяцев все повторилось: опять начала мерещиться всякая нечисть. На этот раз в лечебнице ему поставили диагноз — шизофрения, положили в первое отделение. Дежурный врач, осмотрев его, порекомендовал тете лишить Егора дееспособности и оставить в клинике. Так она и поступила, и проблемный племянник исчез из ее жизни, а его недвижимость перешла к ней. Когда Егор окончательно пришел в себя, было уже поздно. Тетя навещала его еще пару раз, но за последний год не приезжала вовсе.

С переводом в реабилитацию галлюцинации исчезли: он был совершенно нормальным парнем, просто нервная система после всего этого оказалась подорвана. Лекарства ему назначали скорее для профилактики, но он продолжал их принимать.

Елена Григорьевна была не согласна с его диагнозом, но пересматривать его пока не спешила. Теперь Егор судился с тетей, а это проще было делать в статусе недееспособного: во-первых, ему не нужно было тратить на адвоката — клиника, как опекун, обязана была защищать его интересы; во-вторых, самой клинике было выгодно выиграть дело, ведь именно опекун распоряжается имуществом подопечного. А цена вопроса — две квартиры.

Тем временем в «Святом Валентине» он — как символично! — нашел свою вторую половинку.

Галя жила здесь пятнадцать лет. Когда-то она тоже потеряла все, угодила в лечебницу, а потом лишилась и всех прав, когда ее тоже признали недееспособной. Уже в клинике она забеременела, но ребенка потеряла. Срок был ранний, и врачи обошлись *выскабливанием* — без стерилизации, как, бывало, с другими.

Егор и Галя мечтали выиграть суд, выйти отсюда и купить себе дачу. Просто жить спокойно, растить сад, ни от кого не зависеть.

— Тут есть еще один парень со схожей судьбой, — как-то сказал Егор, — Костя Дорофеев. Вундеркинд, всех в шахматы обыгрывает, башковитый, толковый... Тоже потерял всех родных и угодил сюда.

Косте не было и восемнадцати, когда он попал сюда. Родственников у него не осталось, зато была квартира в столице — наследство от бабушки. Долго она у него не задержалась.

В лечебнице его быстро лишили прав. На суд отправили под таблетками — у парня зуб на зуб не попадал. Адвоката ему не предоставили, это было не в интересах клиники. Слово сказать не дали, просто объявили о новом статусе и отправили обратно, дожидаться перевода в ПНИ.

После опекуном автоматически стала лечебница, она же распоряжалась всем имуществом больного. И где теперь квартира Кости — никто не знал.

Иван не отставал от Егора — ему хотелось понять, как близкие могут бросать родных в таких местах. Егор рассказал ему еще одну историю:

— Родня — это еще цветочки. Чужие такие вещи творят, что трудно поверить. Есть у нас в первом отделении один парень. Его из палаты вывозят раз в неделю, я часто помогаю с ним. Когда его привезли, имени никто не знал, сестры прозвали его Петькой. Много лет назад какие-то уроды оставили его под дверью клиники. Санитары говорили, то ли его украли младенцем, то ли купили у алкашей, — точно уже никто не скажет. Но одно известно: еще в младенчестве ему переломали оба колена, чтобы не мог ходить, и левый локоть — оставили только одну руку, чтобы есть, подтираться и просить милостыню для своих хозяев. Приезжие часто практиковали такое людоедство. Так Петька и зарабатывал им деньги. Но дети быстро растут, и он перестал вызывать жалость, с него уже нечего было взять. Вот и избавились от него. С тех пор он молчит и ни на что не реагирует. Как после такого крыша не поедет?..

После этой истории Иван больше ни у кого не спрашивал, как они здесь оказались. Он даже пожалел, что выпытывал у Егора информацию о других гостях — если бы он ничего этого не знал, ему было бы легче: избыток правды наполняет сердце грустью, а разум — безумием.

Он все чаще спрашивал себя, правильно ли он поступил, привезя Милу сюда. Чем он лучше тех монстров, кто бросил здесь своих близких ради собственного удобства?

Егор пытался успокоить его:

— Ты ведь не такой. Ты здесь не по принуждению, ты единственный сопровождающий среди пациентов. Это совсем другое.

Но Ивану казалось, что стены лечебницы сжимаются. Он хотел выбраться отсюда как можно скорее — взять Милу и уехать. Хоть на день, хоть на час. Просто вдохнуть свежий воздух.

9. Чудо

На следующий день, еще до завтрака, в палату к Ивану зашла Вера Дмитриевна и объявила, что доктор Фридман ждет его у себя. Иван не стал дослушивать — сорвался с места и вылетел в коридор.

— Иван Андреевич, вот вы где! — Фридман встретил его с неизменным воодушевлением. — Я ждал вас. Заходите, заходите!

— Здравствуйте, доктор. Вас, оказывается, тяжело поймать. Я уже неделю тут живу, а вас нет, новостей от Милы тоже нет...

— Ах, Иван Андреевич, работы непроворот! В этом году особенно много беспокойных гостей. Но вас я не забывал ни на минуту. Вы ведь особенный случай! — он улыбнулся, жестом приглашая Ивана сесть.

— Я просто сильно переживал. Как там Мила?

— Великолепно! Просто умница. Мы проделали большую работу, и она справляется прекрасно. Пока рано делать выводы, но прогресс уже налицо. Думаю, еще пара сеансов терапии, и мы сможем точно определить, что именно с ней происходит. — Улыбка на лице доктора угасла, голос стал серьезнее: — Об этом я как раз и хотел с вами поговорить.

— Конечно. О какой терапии идет речь?

— Объясню на пальцах, без медицинских терминов. Сознание вашей супруги заблокировано. Она сама, специально или нет, спрятала его так глубоко, что обычными методами нам туда не добраться. Это не просто расстройство восприятия — ее разум полностью отрезан от реальности. Это защитный механизм мозга, который срабатывает при сильнейшем стрессе. — Фридман внимательно посмотрел на Ивана, словно оценивая, готов ли он услышать правду. — Подобные состояния могут быть связаны с разными психическими расстройствами — легко ошибиться, если не знать наверняка. Но будем надеяться, что это лишь клиническая депрессия — с ней мы справимся без труда. Но чтобы докопаться до сути, нам нужно достучаться до ее сознания. Обычные методы тут бессильны. Вы и сами это знаете — ведь уже испробовали их все.

Иван молчал, переваривая услышанное.

— Помимо тех медицинских документов, что вы нам передали, я еще дополнительно навел справки. Теперь у меня полная картина, и я вижу, какой путь нам нужно выбрать. В нашей клинике мы применяем особую методику. Она безопасна, не требует хирургического вмешательства: лекарства на натуральной основе и адаптированный психоанализ — никаких радикальных мер, но результаты впечатляющие.

— А других, более проверенных методов нет? Может, ваши коллеги что-то упустили?

— Боюсь, что нет. Я лично знаком с большинством специалистов, к которым вы обращались, и могу заверить — они сделали все возможное. Вероятно, у вас сложилось иное впечатление, но это не их вина. Просто *традиционные* методы бессильны в подобных случаях. — Фридман слегка наклонился вперед, делая акцент на последних словах: — Так что у нас два пути, Иван Андреевич: либо мы продолжаем топтаться на месте и тратим драгоценное время, либо попробуем что-то новое. Вы ничем не рискуете — эта терапия уже помогла многим нашим гостям... И я уверен, что поможет и вашей супруге.

Доктор Фридман был убедителен. Его слова звучали обнадеживающе, даже слишком. Ивану хотелось ухватиться за эту надежду — ведь они с Милой перепробовали все... Трудно было поверить в такую удачу, что дело действительно сдвинется с места. Но главным был не вопрос доверия, а время: его у Милы оставалось все меньше, и Иван это чувствовал.

— Я взял на себя смелость, — продолжал Фридман, — и провел сеанс психоанализа в сочетании с небольшим количеством лекарства. Результат получился очень любопытным. Думаю, вам лучше увидеть все своими глазами. Пройдемте к Людмиле, не будем заставлять ее ждать.

Не дав Ивану и слова вставить, Фридман рывком открыл дверь и устремился по коридору. Он двигался так быстро, словно сам не мог дожидаться встречи. Откуда-то нарисовался громила Игорь. Иван бросил ему короткое «привет», но санитар лишь хмыкнул себе под нос, словно даже это было для него чрезмерным усилием.

Возле ординаторской стояла Елена Григорьевна. Она сдержанно кивнула Фридману, но когда ее взгляд скользнул по Ивану, в нем не было ни капли приветливости — только привычное раздражение, будто он мешал ей работать.

У палаты Милы Фридман наконец остановился и с легкой улыбкой приоткрыл перед Иваном дверь:

— Прошу вас, Иван Андреевич!

Сердце у Ивана заколотилось, кровь прилила к вискам: к чему эта суэта, показушность? Что он должен там увидеть? Не в силах больше ждать, он распахнул дверь — и замер.

У окна, спиной к нему, без посторонней помощи стояла Мила. Она смотрела вдаль, на горные склоны, озаренные холодным осенним солнцем. Лучи проходили сквозь тонкую ткань ее сорочки, падая на пол ажурными тенями.

Иван не мог поверить собственным глазам. Слова рвались наружу, но застряли в горле. Он боялся пошевелиться, словно путник, увидевший в глуши мираж и не решавшийся проверить, настоящее это чудо или всего лишь обман зрения.

— Да что же вы встали как вкопанный, проходите, — Фридман вывел Ивана из ступора, положив руку ему на плечо.

— Мила! Родная, это я...

Иван подошел ближе и заглянул ей в глаза. Она не отвела взгляда, но и не отреагировала. Казалось, смотрит сквозь него, за горизонт.

— Что с ней, доктор?

— Может, расстроилась, что вы без цветов! — пошутил Фридман и, увидев выражение лица Ивана, поднял руки: — Ладно, ладно, не обижайтесь. Не все сразу, Иван Андреевич, процесс пробуждения сознания сложный, не ждите радостных объятий через неделю. Я даже не приступил к основной стадии терапии. Без вашего согласия не могу, а это всего лишь эффект от пары таблеток.

— Но это невероятно, доктор. Полтора года... Полтора года — и ничего! Никакой реакции, никакой надежды. А теперь она стоит! Как это возможно всего за неделю?

Фридман довольно расправил плечи:

— Это наука, мой дорогой! Ну и, конечно, уход. Здесь, в «Святом Валентине», Мила для всех... как родная дочь. Мы заботимся о каждом госте, как о члене семьи.

— Но это не опасно? Я слышал, что после резкого улучшения часто бывает регресс, и тогда состояние может стать еще хуже, чем было. Может, не стоит так рисковать?

— Риска никакого, — голос Фридмана оставался легким, но в нем скользнула нотка раздражения, как будто этот вопрос ему задавали сотни раз. — Методика проверена годами. Ни одного подобного случая за всю историю больницы.

— Боже, как же я хочу верить... — выдохнул Иван. — Но каждый раз, когда я надеялся, все заканчивалось разочарованием. Может... Нет, не хочу сглазить.

— О, сомнения вполне естественны! — Фридман радовался очередному случаю скептицизма. — Но, Иван Андреевич, это факт: в регионе наша клиника единственная, где занимаются настоящим, результативным лечением тяжелых психических заболеваний. У нас лучшие специалисты со всей страны. Не просто врачи, а выдающиеся исследователи, профессионалы

с учеными степенями и многолетним опытом работы с самыми сложными случаями. И это не просто слова — есть статистика, а самое главное — отзывы гостей и их родных.

— Мой друг, Степанов Борис Кириллович... У него мать здесь лечилась. Он отзывался о вас... положительно.

— Ах, Раиса Александровна! Великолепная женщина, — на этот раз голос Фридмана стал мягче. — К сожалению, Борис Кириллович обратился слишком поздно. Болезнь зашла слишком далеко. Вылечить ее уже невозможно... но мы сделали так, чтобы она проводила свои дни в покое и комфорте, без боли, без страха. Чтобы ожидание конца было достойным и счастливым.

Мила повернулась, молча подошла к кровати и легла набок, продолжая смотреть в окно. Ивану было непривычно видеть ее такой — не застывшей в своей привычной тишине, а словно пробужденной, пусть и отстраненной.

Когда она проходила мимо, он невольно отшатнулся, будто боялся, что одно неосторожное движение может все разрушить. Она казалась хрупкой, словно хрустальная статуэтка.

Он пересилил себя, сел на край кровати у ее ног и аккуратно взял ее за руку. Пальцы были теплыми, живыми. Он почувствовал, как его собственная рука дрожит от напряжения, и заставил себя расслабиться.

Тепло от ее кожи разлилось по его телу, оседая где-то в груди. Ему хотелось лечь позади нее, прижаться, обнять, как раньше, словно маленького котенка, которого нужно согреть и уберечь от этого жестокого мира.

Вдруг он заметил — в ее руке что-то было. Осторожно разжав ее пальцы, достал сложенный листочек с аккуратным детским почерком, почти таким же, как на той записке, что он нашел во время уборки своей палаты. Очень знакомый... но чей? Он развернул бумагу: «Монстры в белом заберут тебя».

Холодок пробежал по позвоночнику: откуда эта записка взялась тут? Его сумку, в которой хранились записки от учеников Милы, забрали при поступлении. Мысли разбежались в разные стороны, но тут голос Фридмана вернул его в реальность:

— Людмила Михайловна уже выходит из своей комнаты. Мы разрешаем ей немного гулять по территории. Здешний свежий воздух ей на пользу. Разумеется, под присмотром — можете не волноваться, — Фридман говорил все так же легко, с улыбкой.

— А я могу с ней прогуляться? Сейчас?

— Боюсь, что не получится: сейчас ей нужен отдых. Любая физическая активность показана ей в умеренных дозах — она очень быстро устает. Столько время без движения, сами понимаете. Да и поверьте, у вас еще будет время: и на лодочках покатаетесь, и на рыбалку сходите! Знаете, какая тут рыба, устанете удочку закидывать! — доктор рассмеялся. — А пока давайте пройдем ко мне, уладим кое-какие формальности. Пусть Людмила наберется сил, — доктор легко развернулся и вышел из палаты.

Иван наклонился, поцеловал Милу в лоб и аккуратно укрыл одеялом, лишь потом последовав за доктором.

Иван был потрясен. В голове звенели тревожные нотки, но впечатление от увиденного было слишком сильным. Никакие сомнения и дурные предчувствия не помешали ему поверить врачу и подписать соглашение на лечение. У него появилась надежда. Настоящая.

Мила изменилась. И ей будет еще лучше. Разве важно разбираться, как именно все это работает, если есть шанс вернуть ее?

Он сделал это не бездумно, не без сомнений — рука дрожала, но после стало легче.

Теперь у него была только одна дорога.

10. Сожаления

На следующее утро Иван застал доктора Фридмана в кабинете и настоял, чтобы его отпустили навестить могилу дочери. Фридман долго колебался, но в итоге согласился.

Когда в приемной он объяснял Вере Дмитриевне причину ухода Ивана, та не скрывала возмущения:

— Да вы смеетесь, Амит Львович! — всплеснула руками Вера. — Выпустить его одного?.. Да он сбежит — и след простынет!

— Вера Дмитриевна, Иван Андреевич не гость, он сопровождающий. У нас нет оснований его задерживать.

— Вот именно! — вмешался Иван. — Я могу уйти, когда захочу.

Вера презрительно фыркнула:

— Да ну? Попробуйте. Посмотрим, что из этого выйдет.

Доктор улыбнулся и развел руками:

— Иван Андреевич, боюсь, вам придется дать слово, что вы вернетесь к обеду. Иначе Вера Дмитриевна снимет с меня шкуру.

Иван кивнул:

— Договорились. Я быстро.

Он действительно не хотел оставлять Милу в этом месте надолго.

Кладбище находилось в часе ходьбы от клиники. По дороге он зашел в цветочный магазин возле кладбища и купил нежно-розовые пионы на деньги, которые ему дал доктор. Это были Машины любимые цветы. Они с Милой навещали могилу дочери каждый месяц.

Нет ничего страшнее детских могил. Проходя мимо гранитных плит с детскими портретами, Иван чувствовал, как ноет сердце. В такие моменты ему хотелось одного — чтобы на их месте был он. Чтобы эти малыши продолжали бегать и смеяться, а не лежать в земле.

Но страшнее всего свежие могилы, этого года. Возле них собираются молчаливые хороводы из оставленных любимых игрушек. Там, в тишине, мерещится плач убитой горем матери. Там ощущается ненависть отца ко всему миру. Когда дети хоронят родителей — это естественный ход жизни. Но когда все наоборот — это неправильно.

Иван остановился перед холодным серым камнем. Ему показалось, что памятник смотрит на него с укором.

«Чернова Мария Ивановна

2011 — 2016

Ангел, у которого слишком рано выросли крылья».

Здесь был идеальный порядок. Зеленая ровная трава, на которой стояла каменная ваза и подсвечник. Иван осторожно вынул из вазы увядшие пионы и заменил их свежими. Открыл подсвечник, зажег свечу. Прочитал молитву.

— Мышка, маме стало лучше, — тихо сказал Иван, проведя рукой по холодному граниту. — Он сглотнул ком в горле, но продолжил: — Она ходит. Представляешь? Сама. Скоро мы придем к тебе вместе, и она поговорит с тобой. Ей столько нужно тебе сказать... Я знаю, она тебя очень любит и скучает. Но ей важно произнести эти слова самой. — Иван провел ладонью по высеченным на камне буквам. — Для этого ей нужны силы. И помощь. За ней я к тебе и пришел — одной моей поддержки недостаточно. Ты тоже должна постараться, родная. Попроси у своих новых небесных друзей помощи, чтобы мамочка услышала твой голос. И когда она вернется... мы снова будем вместе. Все будет хорошо, поверь мне.

Свеча потрескивала в подсвечнике, ветер играл лепестками пионов.

— Пока она набирается сил, я буду приходить чаще. Мы будем вместе молиться за нее. Так что я еще успею тебе надоесть, — он усмехнулся, но голос дрогнул. — Мне так не хватает тебя, милая... Папочка любит тебя всем сердцем. — Он закрыл глаза и выдохнул: — Не скучай там, ладно?

Иван сидел там еще несколько часов, вспоминая счастливые дни. Мысли в таких местах становятся яснее, чем где-либо: все заботы, суета, мелкие тревоги отступают. Кажется, даже время замирает.

Почему мы всерьез задумываемся о жизни и смерти исключительно на кладбище? Почему начинаем по-настоящему ценить каждое мгновение, проведенное с близкими, потеряв кого-то из них?

Иван думал о том, как важно помнить об этом ежедневно, беречь эти мгновения, как драгоценности, и время от времени доставать их из памяти, чтобы вновь ощутить, что действительно важно.

Он проклинал себя за каждый случай, когда, вернувшись уставшим с вахты, отмахивался от Маши, которая ждала его, мечтая поиграть с папой. Для нее он был целым миром, а он выбирал сон и одиночество, вместо того чтобы подарить ей свое время.

Мила тоже ждала его возвращений неделями. Ей хотелось близости, тепла, внимания, а он прятался за усталостью и собственными заботами. Теперь он ненавидел себя за это и понимал, что упустил самое важное.

Важно было помнить обо всем этом тогда. Потому что теперь уже поздно.

11. Соседи

Шли дни, а увидеть Милу так и не удавалось. Доктора Фридмана было не застать на месте, а по словам медиков, Мила все время проводила на процедурах. Иван приходил в ее палату каждый день — и не находил ее там. Зато со временем он все-таки наладил общение с ее соседками.

Сначала они вели себя настороженно, перекидывались с ним лишь парой фраз. Но с каждым днем, видя его разочарование, когда он не застаёт Милу, они постепенно прониклись к нему, заводили разговоры первыми, охотнее шли на контакт, рассказывали о своей непростой жизни.

После того как Иван сдружился с Егором, он перестал смотреть на пациентов как на психически больных людей. В реабилитации было много тех, кого просто сломала жизнь. Это были обычные люди, оказавшиеся не в том месте и не в то время, такие, как он сам. И ему было их жаль.

Света и Нана держались вместе. Из них двоих чаще говорила Света. Она жила здесь давно, настолько давно, что уже не помнила, сколько лет прошло, как и то, почему вообще сюда попала. Ей было около тридцати, полная, с редкими, уже наполовину поседевшими волосами. Света не могла ходить, передвигалась в инвалидной коляске.

Их с Наной познакомила мать Светы. Она видела, как дочке было одиноко тут. Поэтому, приезжая в гости, просила доктора Фридмана, чтобы вместе с ними на прогулку выводили еще одну пациентку из первого отделения — Нану. Доктору эта идея понравилась, и он иногда позволял им видиться, несмотря на правила. У Наны был синдром Дауна, это была очень маленькая девушка лет восемнадцати, почти без волос.

Тогда Света не понимала, зачем все это.

— Кто это? — спрашивала она.

— Потом узнаешь, — улыбалась мать.

Так продолжалось долго. А потом однажды мать сказала.

— Нана — твоя сестра.

Света не поверила:

— Нет, этого не может быть!

Но мать настаивала. Говорила, что родила Нану после нее, от другого мужчины, пока Света лежала в больнице. Света видела, как мать любила Нану, как заботилась о ней. Как держала за руку и поправляла воротничок на ее халате.

А потом мама сказала.

— Обещай, что будешь заботиться о сестре. И обязательно любить ее.

Света заботилась о Нане. Учила ее, гуляла с ней, меняла подгузники, стирала одежду. Со временем она действительно полюбила сестру. Они постоянно обнимались, целовались, проявляли друг к другу нежность.

А потом Света начала заботиться и о других девушках с синдромом Дауна. Укладывала их спать, обнимала, помогала одеваться. Сотрудников такой расклад устраивал — чем меньше им самим работы, тем лучше.

Вскоре Свету, Нану и еще нескольких пациенток перевели в одну палату. Все они были невысокими, выглядели как дети, хотя многим уже исполнилось двадцать пять, а то и тридцать лет. Говорят, люди с синдромом Дауна перестают расти, если их не любят. Санитары называли палату Светы «детским садом».

Так у нее появилась цель в жизни. И главное — любовь. А девочки начали расти. Она любила их всех, но сильнее всего — Нану, свою сестренку.

Но однажды пришел приказ о переводе девушек в ПНИ. Всех увезли, а Нану оставили со Светой.

Позже Иван говорил об этом с Дмитрием Валентиновичем, тем самым адекватным санитаром. Дима сказал, что видел карточку Светы, и в ней не было ни слова про сестру. Сотрудники считали мамину историю про Нану выдумкой, но Свете никто не говорил об этом.

— Иван, пообещай, что не скажешь ей об этом, — Дима посмотрел на него серьезно. — Пусть все останется как есть.

Иван кивнул.

Правду уже не у кого было узнать: мать Светы умерла, оставив ей Нану, единственного родного человека. На похоронах Светы не было — недееспособных не отпускают за ворота.

Третья девушка держалась в стороне — молчаливая, замкнутая, словно боявшаяся лишний раз попасться на глаза. Она часто укрывалась с головой под одеялом и плакала. Звали ее Марина. Она была самой молодой в палате, на вид лет двадцати. Света рассказала, что ее перевели сюда из детского дома специального типа — места для *отсортированных* детей.

У Марины был младший братик. Когда ей было пять, их мать умерла, отца не было. В таких случаях специальная комиссия проводит тестирование — оценивает, насколько ребенок способен к адаптации. Если ответишь правильно — попадешь в обычный детский дом. Если нет — в специнтернат. А потом в ПНИ.

Ее брат справился, и его забрали в обычный детдом. Марина — нет. На момент тестирования она еще была в шоке от потери матери, замкнулась в себе, не понимала, что от нее хотят. А комиссия решила, что она ненормальная.

С тех пор она больше не видела брата. И самое страшное — забыла, как он выглядит. Произошедшее сильно затронуло ее психику: она забыла не только брата, но и мать, не помнила даже ее имени.

Марина жила в таких местах с детства. Но и это было не концом ее истории. В специнтернате у Марины был маленький живой уголок, особенно она любила морских свинок. За ними никто не следил — вот она и взяла их под свою опеку. Из-за этого над ней смеялись. Однажды, когда она чистила клетки, к ней подошел парень. Он был постарше и, в отличие от других мальчишек, не смеялся над ней и не обижал. Его звали Лёша. Он просто попросил показать, как ухаживать за животными. Так они начали вместе заботиться о братьях наших меньших. А вскоре дружба переросла в нечто большее.

Они были вместе четыре года. Когда Лёша достиг совершеннолетия, его из специнтерната перевели во взрослый ПНИ. Он обещал писать, но целый год от него не было вестей.

Лишь позже Марина получила письмо от его соседа. Тот рассказал, что Лёша не раз пытался написать и позвонить, но каждую попытку пресекало строгое руководство: никаких контактов с внешним миром. За побеги бросали в изолятор. Лёша ни один раз пытался сбежать к Марине, но его всегда находили и возвращали под замок. Для начальства он был головной болью, и в итоге Лёша почти все время проводил либо в изоляторе, либо под лошадиными дозами седативных.

Сосед писал, что Лёша постепенно смирился с тем, что ему отсюда не выйти. А вот смириться с мыслью, что он больше никогда не увидит Марину, он не смог. В конце концов он повесился. После этого инцидента руководство сменили, и письмо наконец дошло до нее.

Марина тяжело пережила эту новость. Она помнила его голос, прикосновения, но лицо постепенно расплывалось в памяти. С тех пор она ни с кем не пыталась сблизиться. Ее сердце осталось с Лёшей.

Света любила и заботилась о Марине так же, как о Нане. А с недавних пор все трое начали ухаживать и за Милой, за что Иван был им бесконечно признателен. Для него это было

больше, чем помощь, — он чувствовал, что у Милы наконец появились те, кто искренне о ней заботится. Чтобы отблагодарить их, Иван каждую ночь ходил в столовую и обменивал у местной «элиты» сигареты на печенье и груши. А утром относил все это девочкам.

12. С небес на землю

Прошла еще неделя без вестей от доктора и свиданий с Милой. Каждый раз, когда Иван пытался добиться информации, Вера Дмитриевна неизменно отвечала одно и то же:

— Лечение проходит без осложнений, все идет по плану.

Однажды ему удалось поймать самого Фридмана, но тот лишь повторил слова своей помощницы.

Свободного времени было хоть отбавляй. Чтобы не сойти с ума от ожидания, Иван помогал Любе с уборкой, общался с Егором, пытался обыграть Костю в шахматы. Когда удавалось поймать Дмитрия Валентиновича, они могли подолгу рассуждать о несовершенстве системы. Каждый день Иван заходил в палату к Миле, раз за разом обнаруживая пустую кровать. Единственным утешением становилось общение с ее соседками.

Марина, которая прежде сторонилась всех, стала чуть разговорчивее. Однажды Ивану даже удалось вызвать у нее улыбку. В один из дней он раздобыл в столовой целый пакет мандаринов. Нана, заметив гостинцы, радостно кинулась к нему, обняла и никак не хотела отпускать. Иван растерялся — ему было неловко, он пытался осторожно вырваться из цепких маленьких ручек. Здоровый, суровый с виду мужик тщетно барахтается в объятиях девушки, едва достигающей ему до груди — зрелище получилось трогательное. Марина, наблюдая за этим, впервые позволила себе улыбнуться.

Он привязался ко всем троим — Свете, Нане и Марине — так же, как раньше привязался к Любе, Егору, Косте и Диме. За всю жизнь у Ивана не было столько друзей, сколько он нашел в клинике.

В один из очередных серых будней его разбудил Егор.

— Иван, вставай! — он взволнованно тряс его за плечо.

Иван приоткрыл глаза и, увидев выражение лица друга, сразу понял — речь о Миле.

— Что случилось? — спросил он, садясь на кровати.

— Тебя вызывает Фридман. Говорят, срочно. В приемной все какие-то нервные.

Иван вскочил, накинул на себя больничную робу и поспешил в приемную. Там, как обычно, сидела Вера Дмитриевна — спокойная, невозмутимая, с книгой в руках. Никакой суеты вокруг и тревожной атмосферы, о которой говорил Егор.

— Где доктор Фридман? — Иван даже не поздоровался. — Его кабинет заперт.

— И вам здравствуйте, Иван Андреевич, — парировала помощница, не отрывая глаз от страниц. — Он не у себя.

— Да, извините... Здравствуйте. Мне сказали срочно явиться к нему. Что-то с Милой?

— Он ждет вас в первом отделении. Вас проводят. — Она повернула голову и крикнула: — Игорь! — Откуда-то из-за угла выкатился здоровенный санитар с пустым взглядом. — Проводи нашего гостя в первое отделение. Палата... — она пробежалась глазами по журналу. — Палата «А-6». Это рядом с душевыми, понял?

Игорь промычал и кивнул.

Иван напрягся:

— Подождите... Почему первое отделение? Мила лежит в реабилитации. Это ошибка какая-то!

— Все в порядке, — с легкой раздраженностью отмахнулась Вера. — Что вы так нервничали? Доктор Фридман вам все объяснит.

Она уже снова читала книгу, как будто Ивана и не было.

Пока санитар соображал, куда и зачем идти, Иван пытался взять себя в руки. Мысли крутились одна за другой, сбиваясь в тугой ком. Что-то случилось... В последний раз, когда

он видел Милу, она выглядела лучше, чем за все время болезни. Почему ее перевели? Что-то пошло не так?..

Он вспоминал все слухи о первом отделении. Все, кого он успел узнать, отзывались об этом месте с ужасом. Может, это последствия чертовых экспериментальных таблеток? Они пичкают ее чем попало, и никто ничего не объясняет. А Фридман? Ласковый докторишка со своей вечной дурацкой улыбкой. Он точно что-то скрывает. Вера Дмитриевна тоже молчит. Знает и молчит.

Иван бросил взгляд на Игоря. Тот украдкой косился, будто проверял, не удрал ли он. «Что за цирк? — подумал Иван. — С какой стати мне бежать? И чего он пялится на меня, как на преступника?» Он быстро одернул себя, списав это на излишнюю подозрительность.

Они миновали кабинеты врачей и остановились на развилке. Влево уходил коридор в реабилитацию — эту дорогу он знал хорошо. Игорь достал из кармана ручку, вставил ее в замок двери, ведущей в первое отделение, повернул. Щелчок, дверь открылась — и Ивана чуть не вырвало. От густой, липкой вони защипало глаза, и он машинально зажал пальцами нос.

Они прошли дальше. Коридор был пуст, справа была дверь в столовую и кухню первого отделения. Из маленького окошка в двери шел такой смрад, что у Ивана перехватило дыхание.

Игорь молча довел его до следующей двери — там, за ней, начинались палаты. Санитар снова достал ручку и открыл дверь.

Сразу за дверью налево была палата «С-1», направо — «С-7». Левая дверь была заперта, правая — открыта. Ручки на дверях, как и везде, не было. В окошке на левой двери он увидел женщину с бритой головой.

— Выпустите... — тихо молила она в пустоту. — Мне в туалет...

Иван замер. Черты ее лица казались смутно знакомыми. Женщина была настолько беспомощна, что у него сжалось внутри. Он окликнул санитару, но тот не остановился. Иван заставил себя отвернуться и поспешить за Игорем: сейчас важнее было узнать, что с Милой.

Дальше коридор расходился влево и вправо, образуя широкий перекресток. На скамейках сидели люди — жалкие, изможденные. Пациентов здесь было много. Даже слишком много — не всем гостям хватало коек, и вдоль стен в коридоре валялись грязные матрасы. Сейчас их собирали и уносили куда-то в подсобку.

Они остановились у поста медсестер, Игорь жестом велел Ивану ждать и зашел внутрь.

Дальше по коридору виднелся проход в зону отдыха. Оттуда доносилась настоящая какофония звуков: крики, смех, ругань, плач. Пока дежурная сестра пыталась расшифровать мычание санитару, Иван шагнул вперед и заглянул в зал. В дальнем конце была запертая дверь во внутренний двор. Он подошел ближе. За стеклом виднелся небольшой, окруженный высоким забором дворик. На двери висело объявление:

«Курение: 10:00, 14:00, 17:00.

БЕЗ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ КУРЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО!!!

Верхняя одежда под замком и выдается по графику.

Хранение верхней одежды в палатах **СТРОГО** запрещено».

Чуть ниже было еще одно объявление:

«В связи с участвовавшими побегами всем санитарам **ОБЯЗАТЕЛЬНО** сопровождать уборщиц и их помощников из числа гостей до прачечной (**ТОЛЬКО** в первой половине дня). Самых гостей без присмотра **НЕ** отпускать. Все нарушения будут влиять на заработную плату.

Администрация».

Иван перечитал. Побег?..

— Пив-в-вет! — услышал он за спиной.

Иван обернулся. Перед ним стоял высокий парень лет тридцати. На лице его была глуповатая улыбка, под носом пушок, больше похожий на детские усики.

— Это мы, Фил-л-лип-п-п! — протянул он, энергично махая рукой. Руку он не подал, но махал так, будто приветствовал давнего друга.

— Здравствуй, я Иван.

— Ты типа новенький? Классная игла, нам нравится, — оживился Филипп. — Филипп-п-п любит новых гостей! У нас здесь много друзей. Мы обязательно подлужимся. Ты, главное, делжись нас, и тогда будет веселей! — Он радостно хлопнул в ладоши: — Ты любишь танцы? Фил-л-лип-п-п умеет бить сесетку! Если хочешь, мы можем научить! Смотри как клуто!

Он начал отбивать чечетку. Все бы ничего, но на ногах у него были мягкие тапочки.

— Давай с нами! Это плосто. А главное — весело! Гляди...

Он продолжал плясать, задыхаясь от хохота.

— Прости, Филипп, — Иван попытался его остановить. — Я не пациент. И сейчас не лучшее время для танцев.

Слова не возымели никакого эффекта. Филипп, словно не слыша его, сделал прыжок, развернулся на сто восемьдесят градусов и затряс кистями на вытянутых руках.

— Опа-на! — торжественно провозгласил он. — Фил-л-лип-п-п любит выступать... А еще... очень сильно... кефил! Да! Кефил! Обожаем! Сегодня выпили два стакана. Боже! Хо-о-отим еще! — Его глаза горели. — Ты тоже классный, Ван-н-ня. Тебе надо обязательно с нами выступить на субботних ставлениях. Так будет веселее. Ты ведь наш длуг, да?

— Да, конечно, — отозвался Иван.

Филипп вспыхнул от счастья:

— Фил-л-лип-п-п лад!

Его глуповатая улыбка стала еще шире.

— Филь, не приставай к Чернову! — раздался голос из глубины коридора. — Иди лучше телевизор смотри, скоро твои любимые «Танцы со звездами».

Филипп повернулся в сторону санитара Дмитрия Валентиновича и радостно замахал ему:

— По-о-остите, Дмитрий Тинович... Челновы — наши друзья. Ван-н-ня и Мил-ла классные, и нам с ними весело! Фил-л-лип-п-п их не обидит! Мы любим их, как и они нас. А еще мы любим кефил. Очень сильно!

— Да-да, это я понял уже, — Иван нахмурился. — Ты знаешь Милу?

Филипп захлопал в ладоши:

— Мил-ла зашибенская! Она всегда с нами танцует! Не то что все! Ее тететка не такая клутая, как у Фил-л-лип-п-па, но она сталается! — Он подался вперед, заговорщически понизил голос. — Плидет влемя — и мы вместе выйдем на сцену! В субботу! Не в эту, конечно... В эту у нас особенное ставление. Фил-л-лип-п-п долго готовился! Учили новые движения! — Он огляделся, словно проверяя, не подслушивает ли кто. — Главное, чтобы на ставлении не было Велы. Мы боимся ее... — Филипп еще ближе придвинулся к Ивану, горячо зашептал на ухо: — Она следит за нами своими лучами, а потом гипнотизирует нас... Белегись ее...

К ним подошли Дмитрий Валентинович и незнакомая женщина. Она не была похожа ни на сотрудницу, ни на пациентку. Нервно взглянув в сторону поста, он заметил, что Игорь все еще безрезультатно пытался что-то объяснить дежурной сестре.

— Прости его, Иван, — с улыбкой сказал Дмитрий. — Это сладкое на него так действует. Он немного слаб умом и в развитии недалеко от ребенка ушел. Но он добрый парень, веселый. У него ДЦП и биполярное аффективное расстройство с манией. Это значит, что порой даже *чересчур* веселый, поэтому тут и оказался. — Санитар повернулся к Филиппу: — А ну давай дуй отсюда. Не приставай к гостям.

— Да он меня особо не напрягал, — пожал плечами Иван. — Забавный. Ощущение, будто мы знакомы.

— Ну да... — санитар усмехнулся. — А теперь серьезно, Вань. Познакомься, это Ира. — Он кивнул в сторону женщины. — Она волонтер. Работает в организации, которая помогает

нашим гостям. Я бы хотел, чтобы она освежила твою память о том, что тут к чему. А то вид у тебя потерянный. — Дмитрий бросил взгляд на часы.

— Освежила память? — нахмурился Иван. — Я тут еще не был.

— Ну... само собой, — Дмитрий смутился и быстро перевел разговор. — Ладно, мне сейчас некогда, нас тут мало. Скоро прогулка, надо подготовиться. Ир, ты не против? И давай покороче, без тебя мы не справимся.

— Конечно, Дмитрий Валентинович.

Она проводила санитару взглядом, потом повернулась к Ивану и улыбнулась:

— Ну как ты?

— Я-то ничего, — Иван вздохнул. — К жене пришел. И, мягко говоря, шокирован тем, что ее держат в таком месте.

— Понимаю... Но, Вань, поверь мне, это еще не самое худшее место. Да ты и сам знаешь.

— Да? — Иван нахмурился. — А с чего все решили, что я тут все знаю?

— Вань, не заводись. Я тебе не враг.

— Прости, — он провел рукой по лицу. — Просто мне тут не по себе.

— Понимаю... Мне тоже. И не без повода. — Ира огляделась, словно проверяя, не подслушивает ли кто, и понизила голос: — В реабилитации ты уже был, сам видел, как там все устроено. Но здесь все по-другому. В реа лежат в основном, чтобы здоровье поправить, и из первого — на выписку.

— Я слышал, что в клинике с выписками не спешат.

— Так и есть. Но здесь, в первом, почти все недееспособные по документам. И когда их переводят в реабилитацию, они пытаются через суд вернуть себе статус. Долгая история... Мы им и с этим помогаем.

— Мой приятель Егор как раз этим занимается.

— Знаю. В общем, в первом живут те, кто не может позаботиться о себе сам, а родственников у них нет или им это не надо. Во втором держат тех, кто опасен для себя и окружающих.

— Подожди, — перебил Иван. — А Милу зачем сюда перевели? У нее есть я. Я рядом, я ухаживаю за ней. Это нелепо! — В голосе зазвучало раздражение.

— Давай без этого, Вань. У нас и так немного времени, — спокойно ответила Ира и продолжила: — Откуда ты пришел, там кухня и столовая. В реабилитации она своя, а здесь общая на первое и второе отделение. Кормят ужасно. Еду выносить запрещено. Из съестного одна груша. Она тут ценится как сигареты.

— Сколько сигарет дают?

— Четыре штуки в день. В реа вам давали пачку, а здесь поштучно. Курить по расписанию. И исключительно в верхней одежде, которой на всех не хватает.

— То есть...

— То есть бывают драки за пуховики. Поймают без теплой одежды или вне графика — лишат сигарет все отделение. Так можно врагов себе нажить.

— Хорошо, что я не курю.

— Знаю.

Ира улыбнулась, но тут же снова стала серьезной:

— Теперь про палаты. На входе в жилую зону две палаты.

— Я видел.

— «С-1» — надзорная палата. Там новенькие. За ними наблюдают и решают, куда дальше. Палата на замке, выводят под присмотром — в туалет и в столовую. У них нет тумбочек, все вещи хранятся в кладовке. — Ира кивнула на женщину с бритой головой, которая продолжала молить о туалете: — Напротив «С-7» — палата для тех, кто в остром состоянии. За ними тоже постоянно наблюдают, но им разрешены тумбочки... и в туалет они ходят сами. Еду приносят в палату. Эти две комнаты ближе всего к посту для оперативного реагирования.

— Сомневаюсь, что женщина, умоляющая отвести ее в туалет, считает это оперативным реагированием.

— Справедливо... — пробормотала Ира.

Иван нахмурился:

— Да точно, — он моргнул, вспоминая, — я помню ее. Она была в приемной, когда я привез сюда Милу. — Он покачал головой: — Боже... Сколько же ее там уже держат?

Пока он пытался вспомнить детали, произошло чудо — женщину наконец услышали.

— Чего орешь? Все отделение разбудишь! — крикнула с поста медсестра. — Я тебе не швейцар!

— Я хочу в туалет... — еле слышно сказала женщина.

— Ну так иди!

— Дверь закрыта. И я... не знаю, где туалет.

— Не ври. Будто ты тут первый раз! — злобно бросила медсестра, поднимаясь со стула. Скрипнула дверь сестринской, и она с недовольным лицом подошла к палате. — Чтоб вас всех... — пробурчала она, открывая замок.

Проводив женщину до туалета, она осталась стоять в дверях, скрестив руки на груди:

— Давай делай свои дела быстрее.

Иван не расслышал, что ответила женщина, но по вспыхнувшему лицу сестры догадался — что-то ей в ответе не понравилось.

— Смотрите, какая принцесса! Ей, чтобы поссать, дверь нужна и туалетная бумага, — она громко рассмеялась. — Я тут вечно торчать не собираюсь! Бумаги нет — закинь ногу на раковину и подмойся! Живее!

Иван и Ира переглянулись. Она сжала губы, словно хотела что-то сказать, но передумала. Лишь коротко вздохнула, отвела взгляд и сменила тему:

— По поводу туалетов... Он один — общий, там же душевые. На ночь их запирают.

— А если ночью приспичит? Терпеть, как той женщине?

— В палатах ставят ведра.

— Варварство.

— Не спорю. Но есть исключение. — Она немного оживилась: — «А-6». Единственная палата со своим туалетом. Она как раз возле душевых. Там всего четыре койки.

— Это там, где Мила?

— Да. Раньше там была комната отдыха для сотрудников, но никто не хотел там отдыхать. В итоге ее отдали гостям.

— Какая щедрость.

— Еще есть «С-3». Там суицидники. У них вообще ничего нет: хранение запрещено, кровати к полу прикручены, всего четыре койки вместо десяти. Даже обувь без шнурков. Наблюдают за ними постоянно, но не так строго, как за «С-1» и «С-7».

— Ясно...

— Всего тринадцать палат. Сейчас все заняты, так что те, кому не хватило мест, спят на матрасах в коридоре.

— Чудесно.

— Розеток в палатах нет. Есть одна возле телевизора, но заряжать нечего. Есть три телефона, но хранятся они у старшей сестры. Выдают два раза в неделю на тридцать минут — на всех.

Иван усмехнулся.

— Вот слушаю тебя — и прям легче становится.

— В каком смысле?

— В том, что хочется подойти к доктору и сказать: «Спасибо, доктор. Мне гораздо лучше. Я здоров. Отпустите меня, пожалуйста».

Тем временем Дмитрий Валентинович собирал вокруг себя персонал и раздавал инструкции на прогулку. Начали подтягиваться пациенты. Им выдавали теплую одежду и приставляли сотрудников. Дима жестом подозвал Иру.

— Если бы все было так просто... — Она вздохнула, посмотрела на Ивана. — Ладно, мне пора. Еще увидимся.

— Спасибо, Ира.

— За что? Я всего лишь пересказала то, что ты и так знаешь.

— За то, *как* ты это говорила, — Иван взглянул ей в глаза. — Ты явно тоже не в восторге от всего этого. Но ты здесь. Это о многом говорит.

Ира усмехнулась:

— Ну а кто еще о вас позаботится? Они, что ли?.. — Она кивнула в сторону приближающегося Игоря. — Вань, большая просьба.

— Слушаю.

— Понимаю, что для тебя это будет тяжело. Но будь вежлив с персоналом. Обращайся к ним по имени-отчеству, не борзей. Эти люди могут серьезно испортить тебе жизнь, даже если ты этого не заслуживаешь. — Она сделала паузу и неуверенно добавила: — И не суди их строго. Они тоже заложники этой системы.

Иван кивнул:

— Я постараюсь.

Ира улыбнулась, слегка сжала его руку и пошла к девушкам у выхода во двор. Помогла им одеться — куртки, шапки... Перчатки не выдавали, а на улице уже прохладно. Ира молча достала из сумки несколько старых варежек и раздала девушкам. Сама вышла на улицу с голыми руками.

13. Первая личность

Из раздумий Ивана вывел странный булькающий звук позади. Это был Игорь. Он махнул рукой, приглашая идти за ним. Они вернулись к жилым палатам и свернули в восточный коридор. Судя по указателю, он вел к душевым.

Остановились у последней двери с табличкой «А-6». Та самая палата, о которой говорили. Рядом не было ни души, лишь запах сырости и тишина, в которой было слышно собственное сердцебиение.

— Доктор внутри. Иди, — промычал Игорь и, не дожидаясь ответа, развернулся и пошел обратно.

Сердце Ивана колотилось так, будто готово было вырваться наружу. По коже прокатилась холодная волна. Подступило знакомое мерзкое ощущение страха — липкое, скользкое, почти осязаемое.

Он сжал кулаки, пытаясь совладать с дрожью в руках, и потянулся к ручке. Надо быть готовым к любому исходу. Он глубоко вдохнул.

«Не важно, в каком она состоянии. Мы справимся. Хоть весь мир будет против, я все равно сделаю ее жизнь лучше. Главное, чтобы она была жива».

Он открыл дверь.

— Волчонок! Где тебя носило так долго? Любишь же ты заставить меня поволноваться!

Мила подбежала к нему и крепко обняла.

Ивана будто ударила молния — он не мог пошевелиться, даже дышать перестал. От ее объятий шло родное, живое тепло. Знакомый запах. Она прижималась к нему — и он чувствовал в этих прикосновениях жизнь. Настоящую.

Он уткнулся лицом в ее пушистые выющиеся волосы и, наконец, сделал первый глубокий вдох. Аромат окутал его, как покрывало из прошлого. Палитра запахов вызвала в памяти сотни образов — из того времени, когда все было по-настоящему. Когда она смеялась, когда жила.

Он медленно, с трудом поднял руки и обхватил ее за талию — осторожно, чтобы не разрушить хрупкий мираж. Так, как берут в ладони птенца — чтобы не навредить, не спугнуть. Постепенно начал прижимать ее к себе. Не слишком слабо — чтобы она не улетела. Не слишком сильно — чтобы не сломать хрупкие косточки.

С ее словами и прикосновениями спала тяжесть. Годы боли и одиночества растворились.

Он тихо плакал. Вечно сдержанный, никогда не дававший слабину, он неожиданно размяк, как мальчишка в объятиях любимой.

— Ну ты чего... — прошептала она, поглаживая его по спине. — Не плачь, а то мне самой не по себе становится. Ты же знаешь, я не могу, когда ты такой. — Она отстранилась чуть-чуть, заглянула в его глаза, не выпуская из объятий. — Стоит тебя оставить одного — сразу начинаешь себя накручивать. Все, хватит. Я здесь. Рядышком. Живая, здоровая. Ну где же мой отважный морской волк, а? Покоритель морей, гроза пиратов! — она улыбнулась и, смеясь, зацеловала его, крепче прижимаясь.

Внутри Ивана бушевали противоречивые чувства. Он был безмерно счастлив видеть Милу такой — живой, говорящей, мыслящей. Она вела себя как прежде — уверенно, легко. Ее глаза светились. Она обнимала его, как когда-то. Как будто ничего не случилось.

Но что если все это — обман, иллюзия... мираж, сотканный больной психикой? Как разобраться реальность это или вымысел? Кто вообще реален, а кто нет? Кому верить, а кому нет, если даже самому себе не веришь. А когда ты перестаешь верить себе — это уже не страх, это растворение.

Он заставил себя немного отстраниться. Сделал шаг назад — и в прямом, и в переносном смысле. Что-то не укладывалось в голове. Мила, кажется, не замечала ни странной обстановки, ни палаты с металлическими кроватями, ни запаха хлорки, ни того, что находится в психиатрической клинике. Она вела себя так, будто ничего не было. Будто не случилось ни трагедии, ни срыва, ни долгого молчания, ни побега в себя.

Ее лицо выглядело иначе... не просто здоровым — счастливым. *Слишком* счастливым. Так не бывает. В первое отделение просто так не попадают, тут не держат *выздоровливающих*.

Он нехотя освободился от ее объятий и заглянул ей в глаза:

— Здравствуй, родная... Как ты? — спросил он осторожно.

— Я — замечательно! — Мила широко улыбнулась. — Только тебя не хватало для полного счастья. Но теперь ты здесь... и мы наконец-то сможем отдохнуть от всей этой суеты. — Она вздохнула, развела руки в стороны и медленно повернулась вокруг себя. — Ах, — ее голос стал мягким, почти певучим, — как же мне хорошо здесь. Спасибо, что вывез нас из этого серого городишки. Здесь такая природа... такие запахи... Мы обязательно пойдем гулять. В лес. Помнишь, как раньше? Грибочков насобираем, ягод. Я знаю, ты это не любишь, но в этот раз тебе понравится, уверена. Поверь мне! — она рассмеялась и легко, словно перышко, скользнула к окну.

Ее движения были какими-то неестественными — слишком плавными, будто нарочно замедленными.

— Рад, что тебе тут нравится, — слабо улыбнулся Иван. — Обязательно погуляем. И на рыбалку съездим. Доктор Фридман говорит, она тут особенная. Хотя я и сыт рыбалкой по горло... но с тобой — хоть на край света. Я не отойду от тебя ни на шаг, слышишь?

Мила повернулась, посмотрела на него так, будто не совсем поняла. Затем медленно кивнула:

— Знаю... ты ведь всегда возвращаешься ко мне, — и, не дожидаясь его реакции, добавила тихо: — В этот раз ты ведь будешь паинькой, да?

Ивану хотелось верить, что все хорошо, что Мила действительно поправилась, что это просто он накручивает себя. Но где-то глубоко в голове уже ворочался холодный червячок. Он полз, оставляя за собой липкий след сомнений. И с каждой секундой становилось все труднее не замечать, что что-то не так. Все не так.

— Ах, Амит Львович! — воскликнула Мила, не отрываясь от решетки окна. — Прекрасный управляющий. Представляешь, он сам провел для меня небольшую экскурсию по территории! Обязательно нужно оставить хороший отзыв на сайте. У них весь персонал — просто замечательный. А постояльцы... фантастика!

— Управляющий? Постояльцы?.. — Иван нахмурился. — О чем ты?

Он наконец заметил Фридмана. Тот все это время молча стоял у двери, будто ждал нужного момента.

— Дорогуша, — мягко сказал доктор, — нам с вашим мужем нужно обсудить кое-какие организационные вопросы. Не обижайтесь, пожалуйста, но нам придется оставить вас ненадолго.

— Да-да, конечно! — радостно кивнула Мила. — Я в этом никогда не разбиралась. Это Иван у нас занимается такими делами на отдыхе. Вы идите, а я пока приведу себя в порядок... для прогулки. Да, волчонок? — она лукаво подмигнула.

Иван попытался улыбнуться, но в груди что-то сжалось. Он машинально кивнул и вышел вслед за доктором.

В коридоре его накрыло. Все внутри сжалось, как под прессом. Эйфория схлынула. Этот хрупкий, дивный мир рушился с такой же скоростью, с какой мгновение ранее расцвел. Он видел: она живая, она говорила, смеялась, вспоминала. Это все, чего он так долго ждал. Так почему же сердце подсказывало: не верь?

Черная, мерзкая, холодная скверна обволокла новый образ любимой. И вместо облегчения пришло чувство, будто кто-то вырвал из него душу.

Он сглотнул, стараясь не зареветь. Внутри билось дикое, животное желание — разбежаться и с размаху врезаться в этот белый кафель, чтобы выбить из себя все это дерьмо, стереть с души мерзкий налет сомнений, выдрать его с корнем.

Он чувствовал, как начинает терять точку опоры.

— Что с ней, доктор? Прошу, не тяните. Я вижу, что с ней что-то не так. Все не так должно было быть... — Иван сбивчиво заговорил, умоляя.

Фридман вздохнул и долго не отвечал. Наконец заговорил медленно, глядя мимо:

— Да, Иван Андреевич. Все не так, как нам хотелось бы, — в его голосе звучала усталость... и странная, непонятная вина. — Он посмотрел на Ивана внимательно, словно оценивая, выдержит ли тот правду. — Людмила вернулась. Но не целиком. Лишь ее светлая часть. Та, что помнит исключительно хорошее. Та, что отказывается пускать в себя боль. Это... прежняя Людмила. Та, которую вы любили. Она живая. Настоящая, — Фридман чуть склонил голову. — Но есть и другая. Та, в которой живет горе. Та, что хранит память о... Машеньке.

Иван остолбенел:

— Подождите... вы хотите сказать... она не помнит?

— Совсем, — кивнул Фридман. — Ни дочки, ни того, что с ней случилось. Эти воспоминания блокируются. Механизм самозащиты. Мозг изолирует травму, чтобы сохранить остатки личности.

— Господи... — Иван отшатнулся к стене. — Как такое возможно?

— У Людмилы диссоциативное расстройство идентичности, — сказал Фридман как хирург, объявляющий диагноз. — Расщепление. На данный момент мы наблюдаем две активные личности. Их может быть, больше, но пока — две. Это уже неплохой результат.

Он поднял палец, будто это какой-то успех.

— Та, что вы видели, — жизнерадостная, любящая, теплая. Она не знает боли, не помнит потерь... она как чистый лист. И есть другая — мать, убитая горем, замкнутая, безнадежная. Пребывающая в глубокой депрессии, с суицидальными наклонностями и полностью отрешенная от окружающего мира. Погруженная в абсолютный мрак. Когда она проснется, она не узнает ни вас, ни меня. Не вспомнит, что говорила и что сделала.

— Это какая-то жесть... — Иван покачал головой. — Выходит... половина Милы исчезла?

Фридман смотрел на него с настороженной мягкостью, словно это был не вопрос, а боль, просачивающаяся наружу.

— Когда одна из ее личностей активна, другая спит. И наоборот. Такая амнезия при переходе может стать опасной, если эти переходы начнут учащаться. Память будет сбивать, путаться. Личности начнут терять ориентиры. И тогда мы рискуем... потерять саму основу, то, что делает человека собой. В таком случае мы потеряем Людмилу навсегда. — Он сделал паузу. — В какой-то момент человек может забыть, кто же он. Совсем.

Иван смотрел в пол, молчал. Он пытался понять сказанное, но слова теряли смысл.

— Но почему Мила? — прошептал он. — Почему именно она?

— Иногда вопрос не в том, почему человек сломался, — тихо произнес доктор. — А в том, как долго он держался, не ломаясь. — Фридман опустил взгляд.

— Такое может произойти с каждым, если случится нечто, чего душа не выдержит, — Фридман говорил медленно, взвешивая каждое слово. — В случае Людмилы... она не смогла справиться с утратой. — Он замолчал, чуть отвел глаза: — Простите, Иван Андреевич. Я понимаю, как тяжело вам это слышать, но она... Она истязала себя до предела. Постоянное самобичевание, без малейшей пощады к себе. В какой-то момент рассудок не выдержал. Чтобы выжить, он отключил боль, вычеркнул из памяти все, что могло его разрушить. А вместе с

этим вытеснил личность, которая все это пережила. — Он посмотрел на Ивана — теперь уже прямо в глаза. — Понимаете, мы — это наши воспоминания, хорошие или плохие. Все, что мы помним, формирует нас. Но невозможно что-то забыть... и при этом остаться прежним. Когда уходят воспоминания, уходит и часть нас самих.

Фридман на секунду задумался, прежде чем продолжить.

— Эта Людмила... не знает, кто такая Маша. Конечно, у нее были светлые воспоминания о девочке, но если бы они остались, рано или поздно она задала бы вопрос, где дочь. И за этим вопросом пришла бы боль. Горе. Крах. Поэтому сознание оттолкнуло ее эмоционально назад во времени. К той точке, где Маша еще не родилась.

— Но... — пробормотал Иван. — Но ведь я... я не могу забыть.

— Вот именно. Вы — другой. Ваше эмоциональное развитие не остановилось. Оно прошло через утрату, через годы боли. Вас сформировала эта потеря. А она осталась там. И вы теперь... словно из разных миров. Конечно, вам тяжело воспринимать ее такой. — Доктор тяжело вздохнул, — Болезнь разделила не только ее личность, но и вас двоих. Вы не совпадаете. *Уже* не совпадаете.

Фридман говорил спокойно, но в его голосе слышалось искреннее сочувствие, он не играл.

Иван стоял, опустив голову.

— Все очень плохо, да? — глухо спросил он.

— Сложно сказать... Пока мы едва подбираемся к пониманию, — доктор стал говорить мягче. — Мы попросили ее вести дневник. Это поможет нам лучше проследить, когда происходят переходы между личностями, при каких обстоятельствах. Возможно, удастся наладить связь между ними. Так мы постепенно проведем правильную интеграцию личностей. — Он сделал паузу, затем добавил уже строже: — Нам придется увеличить количество сеансов гипноза, подключить более глубокую психотерапию. Процесс будет долгим. — Он выпрямился: — Но вам нужно быть готовым к некоторым вещам, Иван Андреевич.

Иван медленно поднял взгляд:

— К каким?

— У Людмилы тяжелая, одержимая форма расстройства, — продолжил Фридман, вновь вернув профессорский тон. — Это может быть опасно... в первую очередь, для нее самой. Ее вторая личность способна появляться внезапно — без предупреждений, без внешнего воздействия. — Он сделал резкий жест рукой, будто переключал рубильник. — В этом состоянии она впадает в критическую депрессию, желания жить у нее нет. Как я уже упоминал, там преобладает абсолютная апатия, саморазрушение и суицидальные настроения. Также возможны галлюцинации: визуальные, тактильные, обонятельные... даже вкусовые. Отсюда ощущение, будто она находится на курорте, в каком-то... отеле. Это лишь один из симптомов. Вы не переживайте, Иван Андреевич, — он мягко улыбнулся. — Да, путь будет трудным, но без вас он невозможен. Сейчас главное — сохранить равновесие. Ваше. Ей нужно, чтобы вы держались. — Доктор развел руками: — Все самое главное еще впереди.

Эта фраза задела Ивана сильнее, чем он ожидал. В устах доктора она прозвучала слишком легко, будто речь шла о какой-то ерунде, а не о жизни Милы. Иван почувствовал, как в груди закипает злость — и страх. Что значит главное? Будет еще хуже? Почему он говорит так, словно знает больше, чем рассказывает?

— Сейчас мы действуем строго по протоколу, — продолжал Фридман, не обращая внимания на нарастающую тревогу Ивана. — Стандартные методы оценки, наблюдения, постепенная коррекция. Ничего лишнего. — Фридман говорил быстро и увлеченно: — Но этого недостаточно и требует кучу времени, которого, как вы поняли, у нас нет. Нам нужны более тонкие методы, творческий подход, так сказать.

Творческий? У Ивана по спине прошел холодок. Он с трудом сдержался, чтобы не сорваться.

— Амит Львович... вы же доктор, человек ученый. Какое, мать его, творчество?! — голос его дрогнул, но взгляд был тверд. — Или вы так подводите к своим экспериментальным методам. Да, я слышал о них. Но что это вообще такое? Я пытался найти хоть какую-то информацию — в брошюре, на сайте, в документах. Ничего, даже намека. Она вообще законная? Или вы здесь эксперименты ставите на ничего не подозревающих людях?

Фридман на секунду замер, словно только сейчас уловил остроту слов Ивана. Между ними повисла короткая, вязкая пауза. Потом он мягко развел руками:

— Конечно. Простите, что-то я увлекся.

Неожиданное спокойствие доктора сбilo Ивана с толку. В груди еще кипело, но злость быстро сменилась стыдом. Ему показалось, что он перегнул палку. Иван опустил взгляд и, немного успокоившись, сказал:

— Вы тоже меня простите. Для меня это все так... неожиданно и непонятно. Я просто переживаю за Милу и не знаю, что делать, — Иван криво усмехнулся. — Иногда кажется, что сам уже начинаю сходить с ума. А все это, — он кивнул в сторону палаты Милы, — выглядит как чудо. Спасибо вам.

— Понимаю вас, Иван Андреевич, — Фридман весело фыркнул. — Мне нравится, что, не смотря на всю тяжесть ситуации, вы сохраняете самоиронию. Мысли стоит иногда прогонять сквозь призму иронии. Так они, случается, проясняются.

Иван посмотрел на доктора. Тот улыбался своей наивной, искренней улыбкой. И внезапно — всего на долю секунды — у Фридмана за спиной будто что-то мелькнуло. Что-то похожее на нечеловеческую гримасу, растянутая вширь пасть с десятками мелких зубов. И сразу все исчезло.

Иван резко моргнул, передернулся, будто от удара током. На секунду перед глазами все поплыло. Он глубоко вдохнул, сглотнул, но дрожь не отступала.

Это что сейчас было? Галлюцинации? Может усталость или просто показалось?

Фридман сделал вид, что ничего не заметил. Он, кстати, так и не дал прямого ответа на вопрос об экспериментальных методах. Иван не надеялся на откровенность, но это от него не укрылось. Казалось бы, мелочь, но тень сомнения она оставила в сознании...

Эта тень расплзалась и проникала в каждый уголок его разума. Непроглядная, манящая. Иван тянулся к ней против воли, против логики. В ней было что-то безмерное. Что-то такое, перед чем он ничтожество.

Из задумчивости его вывел резкий шум: цок-цок-цок, звук каблучков, торопливый, неуместный в этом здании. Незнакомая Ивану девушка появилась в коридоре стремительно и раздраженно. Судя по белому халату — врач. Все в ее облике кричало, что она здесь по ошибке, — молодая, ей едва перевалило за тридцать, стройная, с длинными ногами и тонкими щиколотками. Черные колготки подчеркивали изящность фигуры, а на ногах блестели лакированные туфли на невысоком каблучке — вопреки правилам клиники, где подобная обувь считалась небезопасной. Но, похоже, никто не осмеливался сделать ей замечание, даже сам Фридман. Он не просто позволял, но и, казалось, радовался ее вызывающему виду: ему нравилось, когда на сером холсте появлялось яркое пятно.

К ней тут же подскочил Филипп, размахивая руками, будто отгонял пчел. Глуповатая улыбка расплзалась по его лицу, как тень на стене:

— Фил-л-лип-п-п вас любит! От вас пахнет глозой, — уже издали заливался он.

Она даже не взглянула в его сторону, лишь молча, с усталой грацией, подошла к Дмитрию Валентиновичу и кинула, не сбавляя шага:

— Убери его отсюда! Сейчас же. Или я его сама на карусель отправлю.

Что бы это ни значило, звучало зловеще.

Она подошла к Фридману и заговорила быстро, сухо, не обращая внимания на Ивана:

— Профессор, ваше присутствие необходимо во втором отделении. Безотлагательно. Этого... — она осеклась, прочистила горло, — мы кое-как утихомирили, но немного, так сказать, перестарались, — она наконец взглянула на Ивана. — Как он тут оказался... Что вообще... Опять спектакль устраиваете? — она скрестила руки на груди. Щеки ее чуть порозовели от злости. — Понятно... В общем, нашему дебоширу еще повезло, что Игорь увел его подальше от меня. Еще чуть-чуть — и я бы сделала ему лоботомию пивной открывашкой. Прямо здесь.

— Анна Сергеевна... — начал было доктор, но она не дала ему вставить слово:

— Он сам на это напрашивается, профессор. И вы это знаете. Я добьюсь его полной изоляции, и никто меня не остановит, — она бросила злобный взгляд на Ивана. — Слишком долго ему все сходило с рук.

Фридман мягко взял ее за плечи и заговорил ласково, почти игриво:

— Успокойтесь, моя хорошая... — он смотрел ей в глаза — светлые, холодные, скрытые за стеклом очков. — Я прослежу, чтобы он вас больше не беспокоил. Обещаю. Вы мне нужны в добром расположении духа. У меня тут еще кое-какие дела, а вы пока... — он чуть наклонил голову, — сходите перекусите. А то на фоне стресса совсем исхудали.

Анна Сергеевна сощурила глаза, и из-за тонких оправ показалось, будто они исчезли совсем, осталась одна холодная улыбка. Не ответив, она скинула руки доктора со своих плеч и резко развернулась на месте.

Звук ее шагов доносился уже из глубины коридора. Но холод, который она принесла с собой, не спешил исчезать. Он все еще висел в воздухе — вязкий, как запах формалина.

У Ивана по коже пробежали мурашки, волосы на затылке встали дыбом. Каждое ее слово било по ушам, как удар железа о железо. «Жуткая дамочка... — подумал он. — Надеюсь, она будет держаться подальше от Милы».

Мимо, вырвавшись из не слишком цепких рук санитаря, пронесся Филипп. Он махал вслед Анне Сергеевне, что-то весело выкрикивая и зазывая ее на вечернее представление. Иван с трудом сдержал усмешку: вот кто точно ее не боится. Ему уже нравился этот паренек.

— Весело у нас тут, правда? — обернулся Фридман, по-прежнему лучась доброжелательностью. — Это наш дежурный врач. Уверен, вы с ней еще не раз пересечетесь.

— Лучше бы не пересекаться, — буркнул Иван. — О ком она говорила?

— Об одном бедолаге. Немного... перебрал с эмоциями. Тоже, кстати, моряк. Славный парень, но, правда, слишком уж беспокойный. К сожалению, для безопасности других пациентов пришлось перевести его во второе отделение. Там о нем позаботятся, не переживайте.

Фридман снова улыбнулся — и как-то слишком широко. Иван машинально отпрянул, опасаясь появления той жуткой улыбки за спиной доктора.

— Как вы слышали, Иван Андреевич, служба зовет, вынужден вас покинуть. А вы пока побудьте с Людмилой. Осмотритесь, познакомьтесь с остальными гостями. Поверьте, они славные ребята, — он слегка поклонился и торопливо удалился.

Иван стоял посреди пустующего коридора, уставившись в закрытую дверь палаты. Фридман исчез, а вместе с ним — и иллюзия контроля.

Он замешкался. Там, за этой дверью, была она. Настоящая. Живая. Ждущая его. Но ноги не слушались, а грудь стягивало липким, знакомым чувством. Оно расползлось по телу, как ртуть, — тихо, неумолимо.

Что-то было не так.

Он заставил себя выпрямиться: нужно быть спокойным, надо быть опорой для Милы. Он все, что у нее осталось, — нельзя забывать об этом.

Иван положил ладонь на холодную ручку двери и глубоко вдохнул.

14. Первое погружение

Он вошел в палату.

Мила сидела на своей кровати, у тумбочки, на которой были аккуратно разложены ее немногочисленные вещи, приводила себя в порядок. В левой руке у нее было складное зеркальце с изображением совы на крышке — то самое, которое Иван подарил ей много лет назад. Оно было крохотное, неудобное, но она никогда с ним не расставалась.

Это было странно — в клинике такие вещи были запрещены. Видимо, соседки подсказали ей, где лучше прятать запрещенку.

Еще в реабилитации Егор рассказывал, что пациенты прячут чай, сладости и мелочи вроде зеркал в матрасах. Раз в две недели санитарки устраивают проверку — вещи досматривают. Что-то оставляют, что-то выбрасывают, что-то забирают себе — все на их усмотрение. Матрасы и прочие нычки не трогают, но все знают про них.

Правой рукой Мила убирала спадающие водопадом непослушные выующиеся волосы. На ней была стандартная больничная роба бледно-бежевого оттенка — грубая ткань, выцветшая от стирок. Но это было неважно — Мила в любой одежде выглядела великолепно.

Иван сделал глубокий вдох. Уловил едва заметный аромат ее кожи — знакомый, почти забытый. Тяжесть в груди ушла, тревога отступила, хоть и не до конца.

Он отвел взгляд от Милы и оглядел палату.

Справа от входа узкий проем в уборную. Слева — шкаф. Далее открывалась просторная комната на четыре кровати. Ее заливало холодное белое освещение, пробивающееся сквозь решетку на окне.

Кровати разделялись личными тумбочками. Одна из кроватей была не заправлена — белье сбилось комом; на тумбочке не было никаких вещей. Пустота и равнодушие.

Напротив — идеальный порядок: одеяло аккуратно натянуто, как по линейке. Все личные предметы рассортированы по размеру и даже по цвету — от темных к светлым, от больших к меньшим. В воздухе стоял резкий запах дезинфекции, щекочущий ноздри.

Четвертая кровать была вовсе без белья — будто никому не принадлежала.

Палата была пугающе чистой — ни пылинки, ни пятнышка. Даже воздух казался фильтрованным.

Иван невольно потупился, ему стало неловко — в этой безупречной стерильности он чувствовал себя чужеродным, единственным источником микробов.

Он снял обувь и, помедлив, поставил ее за дверь.

— Ну вот и все! Я готова, — Мила улыбнулась себе в зеркальце и убрала его в ящик. — Только не начинай бухтеть, как ты любишь: «Да сколько можно? Из дома выходим на пять минут, а сборов как на неделю», — она скорчила недовольную мину и сторбилась, изображая немощного старика.

— Я и не думал, — мягко ответил Иван. — Мне нравится смотреть, как ты собираешься. Если тебе нужно еще время — я подожду. Я столько ждал этого момента... что теперь, кажется, готов остановить время. Больше я никуда не спешу.

Он смотрел на нее и не мог наглядеться.

— Не люблю, когда ты пялишься на меня, как маньяк... — Мила поежилась. — Жуть, пробирает аж до костей, особенно когда ты такое говоришь.

Она закусила губу, но тут же снова вспыхнула:

— И вообще... ты где пропадал? Оставил меня здесь одну! Не любишь меня совсем... — она надулась, как маленькая девочка.

— Глупенькая... — Иван подошел ближе. — Я люблю тебя. И все это время был рядом. Ты... не помнишь? — Он замер, опасаясь, как воспримет она этот вопрос. — Не помнишь всего, что мы пережили? Не помнишь, как мы сюда приехали... и зачем?

— Ну... вообще-то это была твоя идея, — Мила махнула рукой. — И место тоже ты выбрал. Мне бы и палатка подошла, ты же знаешь. Но я не жалею, не подумай. Мне тут нравится, серьезно! Красивые места, тишина, покой... Сервис на высшем уровне. — Она говорила взахлеб — слишком радостно, слишком бодро. — Единственное — персонал странноватый, особенно уборщица. Может зайти без стука и начать мыть все подряд. Я ей говорю: «Спасибо, нам не требуется уборка, у нас и так все чисто — благодаря вашей заботе», — а она будто не слышит! Ворчит, носится с тряпками, по сто раз вытирает одни и те же места. Даже ночью, представляешь? — Она хихикнула, но глаза на миг затуманились. — Ты просыпаешься, а она там — с этим своим голубым фонариком, и бормочет себе под нос... Бр-р-р... Я не сержусь, нет... Просто немного жутковато.

Она слегка поежилась.

— Думаю, она это не со зла, — осторожно сказал Иван. — Но если тебя это беспокоит, я скажу доктору.

Ивана не покидало ощущение, что все это дурной розыгрыш. Сейчас Мила громко засмеется и скажет: «Ты чего, серьезно поверил в этот бред?» Но она не смеялась, она продолжала свою игру. Только... была ли это игра?

— Нет, ты что! — Мила резко повернулась к нему. — Не хочу, чтобы из-за меня у бедной девочки были проблемы. Ей и так тяжело приходится. Столько работы, еще и по ночам смены... — Она замялась, глядя в пол. — Даже не думай. Скажешь — я обижусь. — Голос ее дрогнул. — Не хочу, чтобы меня считали стервой. Я ведь не такая.

Она снова подняла на него глаза — глубокие, блестящие. Слишком блестящие. Она не шутила — это была не игра.

— Ты лучше ничего здесь не трогай, — добавила она шепотом. — А то мало ли... испачкаешь. — Мила прикусила губу, шагнула к нему, легко, как кошка. Прижалась. Ее голос стал теплым и шелковистым. — М-м-м... А так хочется здесь кое-что испачкать...

Она обвила его руками за шею, наклонилась — и поцеловала. Глубоко, со всей своей прежней, узнаваемой страстью. Потом, не отпуская, потянула его к кровати.

Внутри Ивана взорвалась эмоциональная бомба. Сердце стучало с такой яростью, будто в груди бил кузнечный молот. Каждый удар отзывался в теле — вибрацией на коже, в животе. Кровь — раскаленная, жгучая — пульсировала в висках, гремела эхом в ушах. Он целовал Милу жадно, с отчаянием, с животной нуждой, прижимал ее к себе с такой силой, что мог сломать. Но не остановился.

Он наконец-то обрел сокровище, потерянное в шторме боли. Которое неустанно искал все эти годы. Он был готов нырнуть в этот океан чувств — с головой. Утонуть в нем. Захлебнуться. И пусть все, что было *до*, исчезнет.

Над горизонтом вспыхнул закат цвета старой меди. Теплый, спокойный, как детство. Океан был гладким, сияющим, звеняще-прозрачным. Он звал, и противиться его воле было невозможно, да он и не хотел. Иван оттолкнулся ногами от прогнившего плота своей прежней жизни...

В воде что-то дрогнуло. В глубине, в самой темной ее части. Оттуда что-то поднималось. Затем на поверхности вздулся пузырь, раздувшийся, как нарыв. Он с шипением лопнул. И с треском в воздухе разлилось нестерпимое зловоние — гниющее, тягучее.

Океан почернел. Мгновенно. Зловонное пятно пошло кругами по воде, расплываясь, поглощая свет. Под Иваном не осталось ни капли света, одна лишь жирная, маслянистая, бездонная мгла.

Солнце на горизонте дернулось... и погасло. Как лампочка, мигнула и умерла.

Он стоял в пустоте. Одинок, переполненный страхом. Тишина была такой, что звенела. Он открыл рот, хотел закричать... Но темнота поглотила звук — оставив немой крик и беззвучную муку. Воздух вышел из легких. Он попытался сделать вдох — и не смог, рухнул. Бездна поглотила его.

Он падал — без опоры, без надежды. Летел сквозь темноту с разорванной душой, с холодом в груди, с распахнутыми глазами, которые ничего уже не видели.

Даже ветер молчал — ни шума, ни свиста, сплошная глухая, вязкая тишина, как смола, в которую он проваливался все глубже, как будто каждое мгновение — это чужая, отрешенная от времени, прожитая кем-то другим человеческая жизнь.

Сотня жизней. Сотня падений.

И внезапно вдалеке, в самом низу, будто за тысячей стен — тонкий свист. Едва уловимый. Он скользнул по пространству, как лезвие, и начал расти, звенеть как струна, натягиваться... и вскоре превратился в крик — душераздирающий, первобытный, выворачивающий все наизнанку. Иван узнал его, узнал сразу — это был крик Милы. Тот самый день, тот крик, что он слышал тогда, когда уже было поздно. Когда все было кончено.

«Это все ты... Куда ты смотрел?..» — голос Милы будто рвал его изнутри. Каждое слово ударило в виски.

Из ушей у Ивана хлынула кровь — теплая, липкая. Она стекала по шее, заливала ворот, капала в пустоту. Боль ударила по телу. Волна за волной, без передышки. Каждая клетка вспыхивала, как будто внутри него расплавлялся металл. Но закричать он не мог. Его рот был нем.

Крик Милы становился все ближе, все ярче. Он не просто звучал — он сжимал все в одну точку и стремился перетереть все в пыль.

Иван задыхался. Стиснул зубы — слишком сильно, слишком поздно. Зубы треснули, все разом. Хрустнули, лопнули, разодрав десны, щеки, язык. Он не мог остановиться. Боль... это была не просто боль — это было существование, разорванное в крик. Крик, который уже не принадлежал Миле. Это был его собственный крик. И он тоже был нем.

Давление росло неумолимо. Все внутри него начало ломаться, от напряжения лопнули глазные яблоки, из глаз потекла густая кровь. А затем — из пор, из каждой микротрещины на теле, из-под ногтей, из складок на ладонях. Он кровоточил весь, трещал по швам, как старый кусок глины, что пересох и не выдержал.

Он умирал. В самых страшных муках. И спасения не было. Ниоткуда.

И вдруг — тонкий, щелкающий звук у него в голове. Или на потолке. Или внутри самой тьмы. Щелчок... и сразу за ним хруст стекла под ногами. Шорох штор, хотя окна в его кошмаре не было. Тени начали медленно двигаться, как будто все вокруг покрылось густым, переливающимся мраком — с блестками.

Иван почувствовал вкус металла. Затем запах горелой бумаги. А потом картинка дернулась, словно мир мигнул. Раз — и все стало другим.

Прежним.

15. Чистота

— Иван, милый... что с тобой?

Мила лежала под ним на кровати и с беспокойством смотрела в его глаза. Волосы ее были взъерошены, на щеках — горячий румянец.

В реальности прошло всего лишь несколько секунд. Они едва успели лечь на кровать, а Иван за это время успел сгореть в собственном аду.

— Раньше у тебя таких проблем не было, волчонок, — Мила улыбнулась и поцеловала его в нос. — Обычно, как прозвучит команда, ты берешься за дело с полной отдачей. А тут... Сачкуем, морячок?

— Я... я не знаю. Прости. У меня...

Он не успел договорить. В комнату, словно вихрь, влетела невысокая девушка — лет восемнадцати. Короткая стрижка, две заколки в виде красных бабочек, джинсовый комбинезон, белоснежные тапочки.

Глаза горели безумием, ноздри вздымались, как шарики перед взрывом. Она буквально задыхалась от возмущения:

— Чьи говнодавы у двери?

Она уставилась на торчащие из-за кровати ноги Ивана.

Мужские носки были настолько грязными, что девушка будто видела бактериальные следы, расползающиеся по полу, где прошел чужак. Смерд въедался в воздух, оседал на одежде, на коже, впивался в волосы. Паника накрыла ее с головой — она судорожно шарил по карманам, не в силах нащупать то, что спасло бы ее.

Наконец с усилием из нагрудного кармана она выудила ингалятор — и тут же его выронила. Упав на грязный пол, он закатился под кровать и исчез для нее навсегда.

Со слезами на лице девушка метнулась к тумбочке. Дрожащими руками вытащила второй ингалятор, потрясла его в правой руке, в левой, снова в правой. Стукнула им себя по лбу — и, наконец, сделала три глубоких вдоха.

Пока она приходила в себя, Иван с Милой поспешно встали и привели себя в относительный порядок.

— Я... дико извиняюсь. Это моя обувь, там... Ну, в общем... — Иван попытался улыбнуться, думая, что это хоть немного сгладит ситуацию. — Не думал, что они такие грязные. Я их сейчас уберу, честно. Больше не оставляю, обещаю. — Он на секунду замаялся. — Я, кстати, Иван. Муж Милы. А вас как зовут?

Иван сделал шаг в ее сторону с намерением познакомиться. Девушка тут же выставила перед собой ладонь:

— Стоп! Даже не думай!

— Я просто хотел...

— Руку он мне протягивает! — фыркнула она. — Ты ее когда в последний раз мыл? А где она побывала за последние десять минут — даже думать страшно. Руку он тянет...

Она резко развернулась, метнулась к своей тумбочке, достала распылитель, перчатки и тряпку. Надевая перчатки, будто натягивая боевую броню, она продолжала ворчать:

— Не думал он... Все вы не думаете...

Она сбросила свои вещи с тумбы на кровать и начала протирать их одну за другой, как хирург перед операцией, аккуратно, методично. Затем из нижнего ящика вытащила книги, протерла каждую, включая развороты обложек, как будто туда могло заползти нечто смертельно опасное.

Расставив все в прежнем порядке, она взялась за постельное белье. Но, бросив взгляд на неубранную соседскую кровать, застыла. Белье выпало из ее рук. Без лишних слов она снова вытащила ингалятор, встряхнула его в правой руке, в левой, потом снова в правой. Стукнула им себя по лбу и сделала вдох.

— Ну я же сто раз просила ее убирать за собой кровать! — девушка заломила руки. — Ну как так можно! Господи, какой беспорядок! Мила, неужели так трудно было сказать нашей бедненькой Вере, чтобы она застелила одеяло? Это же не уборка с генеральной дезинфекцией! Я ведь не требую многого, просто следить за порядком. Что тут сложного?.. Просто застелить одеяло!

Она подбежала к шкафу и вернулась в душевой шапочке, голубом дождевике и бахилах. Затем сгребла в кучу белье с кровати Веры, добавила туда свое, и бросила все это на пол у двери — как мешок с зараженным материалом.

— Вера с утра была очень расстроена, — начала оправдываться Мила. — Я не стала ее тревожить. Предложила сходить завтра на концерт. Мы будем с Филиппом танцевать. Он ведь забавный, может любого развеселить. Думала, ей это поможет... Но она мне даже не ответила. Хочешь, я помогу убрать? — Мила улыбнулась девушке. — Иван нам поможет. Да, милый?

— Расстроена... Она постоянно чем-то расстроена, — процедила сквозь зубы девушка. — Хотя «расстроена» — это мягко сказано. Там все... печально. И ты, кажется, забыла, почему она здесь. Да, точно забыла... Простыми танцами такое не лечится.

— Ах да. Извини... Вера — наша соседка, — с энтузиазмом пояснила Мила Ивану. — Пока тебя не было, мы вместе обедали. Хорошая девочка. Правда, уж больно грустная. Я вас обязательно познакомлю.

— Мила, с Верой все понятно, — Иван чуть наклонился к жене и зашептал: — Ее как зовут? — он кивнул в сторону безумной уборщицы. — А то даже извиниться толком не могу.

— Дарина я! — сказала та, даже не оборачиваясь. — И не надо там шептаться, у меня идеальный слух. Извинений тоже не надо — я не сержусь. Болезнь у меня такая, не обращай внимания.

Она уже почти закончила с тумбочкой Веры. Движения были быстрыми, уверенными, автоматическими. Видно было: привычка доводить все до конца сильнее любых эмоций.

— Единственное, чем ты можешь мне помочь... и впредь не доводить меня до подобного состояния — не разгуливать тут как бомж. И вообще... зачем тебе сюда заходить? Ждал бы в коридоре. И ботинки, кстати, не снимай, а то останешься без них. Есть у нас тут любители брать все, что плохо лежит. Тебе повезет, если они все еще на месте. Не снимай — ясно?

— Дарин... я правда виноват. Извини. Если бы знал, что это тебя так расстроит, подождал бы в коридоре. С меня цветы!

— Добить меня решил? — она повернулась и прищурилась. — Да точно — добить. Ты, я смотрю, шутник. Астматику цветочки предлагаешь? Лучше сразу в газовую камеру! — Дарина достала ингалятор, потрясла им перед лицом Ивана. — Шел бы ты, мил человек. С каждым словом становится хуже. Вся эта ситуация уже настолько нелепа, что скоро сама себя аннулирует.

Иван залился краской, выругавшись про себя. Взгляд скользнул к Миле — она стояла у окна, поправляя волосы, будто все было в порядке. Он уже взялся за ручку двери, как услышал за спиной тихий голос Дарины:

— Зефир... Я люблю зефир... Исключительно белый. Без всяких начинок и глазурей. Чистый, белый зефир и ничего лишнего. Не розовый, не в шоколаде. Просто белый.

— Ну тогда с меня мешок зефира и...

— И все, — перебила она. — Больше ничего не надо. Просто белый зефир. — Пауза. — До встречи, — сухо бросила Дарина.

Она не смотрела на него, но дала понять, что разговор окончен. Иван тихо закрыл за собой дверь. Уже в коридоре он услышал голос Милы:

— Я тебя догоню, ладно? Сейчас прическу поправлю. Ты только не уходи далеко, волчонок.

Он вышел в коридор и, пошатываясь, попытался осознать происходящее. Еще вчера он был несчастным человеком, потерявшим дочь и, как он считал, жену. Надежда на лучшую жизнь покинула его давно, оставив в душе пустоту.

А теперь — как веслом по голове.

Голова гудела от скачущих мыслей: радоваться, бояться? Мила вернулась, но какой она стала? Что это было — чудо или ловушка? Он боялся позволить себе радость. Слишком хорошо знал: стоит поверить в ее возвращение — и все может рухнуть в тот же миг. Она могла снова уйти в себя. Он завис между надеждой и страхом, и это подвешенное состояние разъедало его изнутри.

16. Друг

Мир вокруг начал вести себя... странно. Свет из окон пульсировал, стены чуть дышали, пол казался зыбким. Голоса вдалеке звучали с неправильной интонацией, обрывками слов, как будто кто-то крутил радио в поисках сигнала. Один из голосов был его. Или нет?.. Он сразу осознал, что уже не понимает — это реальность или отголосок сна.

«Кто из нас сейчас проснулся?» — мелькнула в его голове чужая мысль.

Из полусна его вывело странное ощущение: под ногами было скользко и влажно.

Иван опустил глаза — там, где должны были быть его ботинки, разливалась густая черная слизь, вязкая, как нефть. Одна нога уже утонула в ней по щиколотку. Носок впитывал эту мерзость, как тряпка — пролившиеся чернила.

Холод побежал по ноге, он перестал чувствовать все, что ниже пояса. Колени подогнулись — и он рухнул в липкую массу, опираясь на руки. Открыл рот, чтобы позвать на помощь, но голоса не было; он лишь хлопал губами, как выброшенная на берег рыба, — беззвучно, отчаянно, бессмысленно.

Мир исчез, остался сплошной шум — белый, ровный, бесконечный, как пустой эфир. На его фоне прорезался тонкий, детский смех — неуместный и режущий. Он нарастал, как сигнал тревоги, как скрежет металла, не просто звучал, а рвал на части тишину.

И вдруг — резкий рывок: кто-то схватил Ивана под руки. Мир качнулся и вернулся на место. Он снова стоял на ногах, дышал. Коридор был на месте, стены не шевелились. Но в ушах все еще стоял смех. И он точно знал — не его.

— Иван, все в порядке? Тебе плохо? — голос был знакомым. Дмитрий Валентинович.

Санитар усадил его на скамейку, сам сел рядом, взглянул с тревогой.

— Все нормально... Я... Я просто искал свои ботинки. Я здесь их оставил. Перед палатой.

Из глубины коридора, со стороны общего зала, донесся смех — звонкий, истеричный, настоящий. Иван поднял голову: никого, кроме кустов возле окна, которые раскачивались в конвульсивных приступах веселья. Он смотрел, не мигая: листья дрожали. Как от безумия.

«Ну вот, кукуха поехала: уже кусты смеются...» — подумал Иван, и тут же отогнал эту мысль прочь, не желая верить в нее.

Он не подал виду — боялся, что если кто-то из персонала узнает о его видениях, отправят туда же, куда и других. И ведь не объяснишь потом, что просто перенервничал, тут такое не прокатывает.

— А-а, это Лёня, — сказал Дима, заметив, куда Иван смотрит, и тихо рассмеялся.

Санитар слегка наклонился вперед. Лицо у него было доброе, обветренное, прожженное солнцем и соленым морем. А голос — мягкий, бархатный. Таким голосом читают сказки в детстве или приговаривают перед сном, что все хорошо, все уже позади:

— Лёня — добрый малый. И вечно всех в чем-то подозревает, — продолжил Дима. — Думает, что за ним следит большая белая собака. Представляешь? Однажды нас вызвали прохождение — увидели, как он неподвижно лежит посреди улицы. Оказалось, боялся, что собака прочитает заклинание и убьет его. — Иван слабо усмехнулся, но в глазах его сквозила растерянность. — Считает, что после полуночи по городу ездят одни черти. Реальные. С рогами, копытами, всей этой атрибутикой. Интересный случай. Но он не агрессивный парень. — Санитар подмигнул: — Уверен, Лёня взял твои ботинки. С ними все в порядке — они где-нибудь под кустом, ждут хозяина. Найдем. Ты, главное, зла не держи. Он ведь, можно сказать, играет. Игра — это лучше, чем то, что было раньше.

Дима стал серьезнее:

— Сначала он просто воровал. По-тихому. Все, что попадется: зубную пасту, носки. Со спящих кресты снимал. Я из-за него на линзы пересел — две пары очков у меня успел увести. Сейчас хоть понимает, что воровать — это плохо. Теперь это у него как хобби: возьмет, попрячет, но потом возвращает. А если не возвращает, мы уже знаем, где его тайники, — он махнул рукой Лёне и снова рассмеялся: — Такой вот наш местный домовенок.

— Ничего страшного, — ответил Иван с кривоватой улыбкой. — Мне и самому не нравились эти ботинки. Может, Лёне они придутся в пору. Хотя... вряд ли. — Он помолчал, затем внезапно сказал: — Я хочу попросить доктора перевести меня в первое отделение. — Дмитрий Валентинович повернул голову. — Так я смогу быть рядом с Милой, — Иван поднял глаза. — Может, смогу ее уберечь. А заодно поищу тайник с ботинками. Ты же мне поможешь?

Санитар молча кивнул, и на его лице снова появилась та самая добрая, почти отцовская улыбка:

— Естественно! Рад, что ты вернулся, — Дмитрий Валентинович хлопнул Ивана по плечу.

— Вернулся?.. — Иван нахмурился. Но санитар улыбался так тепло, что спорить с ним не хотелось, а после недавнего видения из него будто высосали все силы. — Не могу сказать, что и я рад... — Он криво усмехнулся. — Но, боюсь, иначе я не могу.

— Понимаю тебя, Вань, — санитар чуть потупился, потом добавил искренне: — Твоя жена — замечательный человек. Очень жаль, что с ней случилось подобное. А ты сам-то... держисься?

— Хотелось бы сказать, что да... — Иван оперся локтями о колени и уставился в пол. — Но иногда мне кажется, что я сам понемногу схожу с ума. Все это слишком... слишком запутано. Я устал. Устал от врачей, от больниц, от чужих объяснений. Я просто хочу домой. Чтобы проснуться утром и услышать, как наша малышка возится в своей комнате. Чтобы Мила варила кофе, как раньше. Чтобы я снова жаловался на жизнь... — он усмехнулся, но без радости. — Каким же дураком я был: жаловаться, когда у тебя есть все, когда твоя жизнь — мечта. Красавица жена, чудесная дочка... — Он замолчал. Голос дрогнул: — А сейчас... — Иван посмотрел в пустоту. — Сейчас моя жизнь — один сплошной ад. Если я не смог сберечь самое ценное, что у меня было, может, я и правда заслужил это наказание.

— Ну... почему сразу так... — осторожно начал Дмитрий. — Не все так уж и безнадежно. Ты рядом с ней. Ты стараешься. Ты...

— Нет, — перебил Иван, — это не старание. Это бессилие. Каждый день я смотрел, как она умирает по чуть-чуть. Как гаснет взгляд, как растворяется душа. И я сам этому причина. А я... я просто смотрел. Не мог остановить это, не мог помочь. Понимаешь? — Он поднял глаза. — Это как если бы от тебя наживую отрезали куски... медленно, без анестезии. При этом ты связан по рукам и ногам... и даже закричать не можешь. А самое страшное — ты не знаешь, когда это закончится. И закончится ли вообще. Если это не ад... тогда что?

Санитар молчал. Но в его взгляде не было ни жалости, ни страха. Лишь понимание. И, может быть, чуть-чуть боли за всех тех, кто тоже через это прошел.

— А может, ад — это то, через что прошла Людмила? — взгляд Дмитрия стал неожиданно твердым. — Ты ведь был для нее единственной связующей нитью, которая удерживала ее в этом мире. И сейчас она по ней по чуть-чуть выбирается обратно. Понимаешь? — Он сделал паузу. — А чтобы она выбралась, ты сам должен держаться — не порваться, не поддаваться отчаянию. Ты не виноват в случившемся. А даже если бы и был — что теперь, что это меняет? Зря только себя мучаешь. А ты, между прочим, держисься лучше многих. Поверь мне, я тут видел всякое. Иные из-за сущих пустяков слетают с катушек, а ты все еще в порядке.

Иван с трудом кивнул:

— Может, ты и прав... Просто... — он поискал слова. — Сегодняшний день... выбил меня. Я не был готов к таким резким переменам.

— Это нормально. Все мы люди. Даже самых сильных из нас можно сломить. Никто не застрахован, — Дмитрий еще раз положил руку ему на плечо, с теплом. — Пойду поищу твои ботинки. А то в чем ты гулять собрался...

— Спасибо тебе... — Иван попытался улыбнуться. — И я не про ботинки.

— Да я понял, — санитар кивнул. — Тебе спасибо за доверие.

Он уже собирался уходить, но на секунду обернулся:

— И запомни... нет ничего постыдного — ни в слабости, ни даже в безумии, — и он отправился к «хохочущему» кусту.

Иван проводил его взглядом — и на секунду ему показалось, что за санитаром тянется светлый след, будто в этом коридоре, полном ржавчины, слякоти и боли, резко стало чуть теплее.

Он остался сидеть на скамейке. Несколько секунд просто смотрел вперед, не моргая, пока мир вокруг не потускнел вновь.

Он думал о том, как быстро все перевернулось. То, что раньше казалось безумием, теперь было частью обыденности. Он понял: в этом месте многое устроено иначе. Здесь слабость — не позор, а усталость. Плач — не признак слабого духа, а голос того, кто слишком долго молчал. Здесь люди не притворяются сильными — они просто живут, как умеют. Каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.